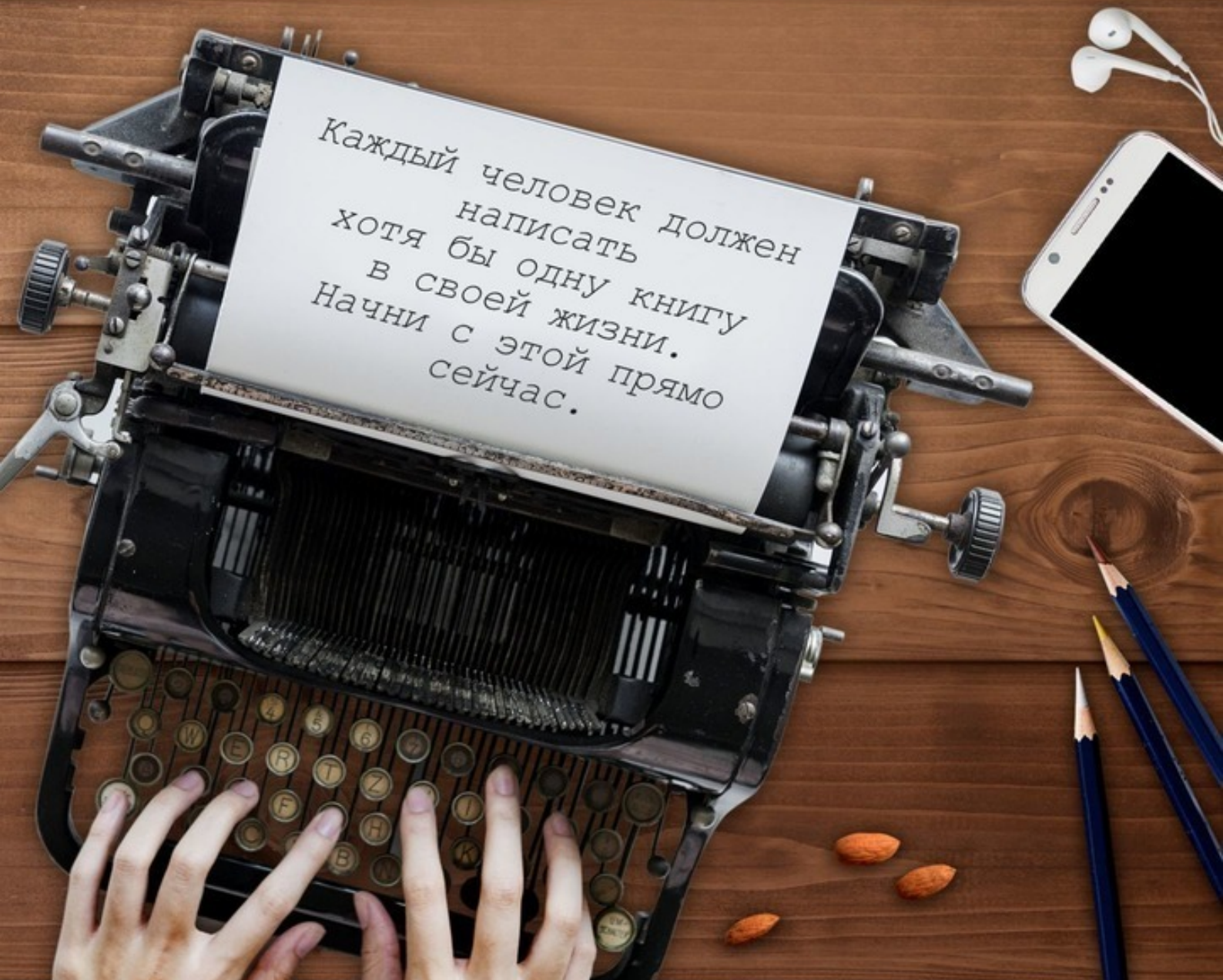
Ольга Фатум

Книга за месяц: миф или реальность?

Фасткнига, или Волшебный пендель для начинающего, и не только, автора.

Ольга Фатум

Книга за месяц: миф или реальность? Фасткнига, или Волшебный пендель для начинающего, и не только, автора

«Издательские решения»

Фатум О.

Книга за месяц: миф или реальность? Фасткнига, или Волшебный пендель для начинающего, и не только, автора / О. Фатум — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502246-2

Фасткнига — это книга о том, как из Читателя превратиться в Автора. Трансформация произойдёт с тобой уже с первых глав на страницах самой книги. Это не пособие, скорее, мотиватор, книга в книге, которая даст тебе вдохновение и веру в себя, даже если ты никогда ранее не брался за перо и даже не помышлял об этом. Аппетит приходит во время еды, точнее — прочтения. Следующий шаг — твоя собственная книга…

ISBN 978-5-00-502246-2

© Фатум О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Глава первая, в которой ты узнаешь о том, зачем написана еще одна книга и кому она нужна 9
Глава вторая, в которой ты узнаешь о том, что не обязательно дочитывать чужую книгу до конца, чтобы начать писать собственную 12
Глава третья, в которой ты познакомишься с примером того, с чего не стоит начинать свою собственную книгу, но прежде анализа – сам рассказ «Безусловная любовь» 15
Глава четвертая, в которой ты узнаешь о том, о чем мы не успели поговорить по прочтении предыдущей, а также о том, что первично – курица или яйцо, четкая идея или случайный порыв мысли 19
Глава пятая, в которой мы поговорим о том, почему мемуар – самый беспроигрышный выбор начинающего и не только писателя 22
Глава шестая, в которой мы затронем тему, может ли собственная книга заменить психотерапевта и излечить душевные раны 25
Глава седьмая, в которой мы поразмышляем о придуманной мной эпохе фастмодерна и ее роли в судьбе автора 29
Повесть «Смерть автора» вместо главы восьмой 33
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Книга за месяц: миф или реальность? Фасткнига, или Волшебный пендель для начинающего, и не только, автора

Ольга Фатум

Корректор Валентина Корионова
Дизайнер обложки Тая Королькова

© Ольга Фатум, 2019
© Тая Королькова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-2246-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ольга Фатум – философ, педагог, коуч, автор, международный специалист-универсал, попробовавший себя в двадцати профессиях, проживший на трех континентах в различных странах, в погоне за мечтами исполнивший самые невероятные свои и чужие желания, и наконец, обретший счастье на родине…

Хочу посвятить эту книгу своей любимой семье, которая стала для меня спасительным пристанищем в череде долгих лет скитания по миру и поиска себя…

Хочу поблагодарить свою любимую сестру за помощь в редакции книги, веру в меня и свои собственные возможности. Жду от нее обещанную книгу-откровение по горячим следам того самого волшебного пинка…

Предисловие

Приветствую тебя, Читатель, Писатель, Автор, наконец, просто Человек Творящий! Настаиваю на этом последнем определении основной характеристики нашей расы – мы люди, созданные творить, и посему просто обязаны реализовать хотя бы раз это право в рамках собственной жизни. Я предлагаю тебе в формате данной книги написать свою собственную! При этом эта книга не претендует на то, чтобы учить тебя, как это делать, скорее это попытка доказать тебе, что ты сам знаешь это лучше любого знатока! Все, чего тебе не хватает для этого, – это немного уверенности в себе и волшебный пендель! Откуда я это знаю? Сама такая же! Мы все немного родом из страны по имени «Лентяйка»: кто-то в ней живет периодически, кого-то она засосала глубоко и надолго. Данная книга не сможет спасти тебя в прямом смысле этого слова, но безусловно, укажет направление движения и возможные выходы, в том числе из сложных жизненных ситуаций.

Поэтому для тех, кто никогда не писал и не помышлял об этом ранее, приоткроются новые горизонты того, как и зачем нужно раскрывать свой писательский потенциал. Он есть в каждом, стоит только поверить в свои силы – эта книга об этом и не только! Неразрешенные конфликты с собой и окружающим миром? Одиночество, или напротив, слишком мало времени для себя любимого и много обязательств и быта… Неудачи, необустроенность, потеря смысла жизни или просто планктонное существование в серости и унылости? А может, у тебя, напротив, есть все, о чем ты мечтал, кроме удовлетворенного Эго, которое жаждет нечто большее, чем только материальная составляющая? Любые ответы доступны тебе самому через твой личный опыт работы с подсознанием! И это та завеса, которую приоткроет тебе данная книга. По сути, в этом авторском проекте реализуется несколько задач:

– Первая и основная, и она заявлена в заголовке, – поставить эксперимент и написать книгу за месяц, чтобы и тебя, Читатель, сподвигнуть на схожий опыт, дать тебе возможность, еще не дочитав книгу до конца, начать писать собственную и превратиться из простого потребителя мыслей и слов в созидателя – Автора.

– Вторая задача призвана обессмертить Автора в веках, и пусть тебя не возмущает некоторая степень самонадеянности и даже наглости в этом плане! Наглость недаром называют вторым счастьем, поэтому не скупись на слова – они сделают тебя еще счастливее! Ведь мы пишем не очередной шедевр для безликой неблагодарной толпы! Ну, хватит уже этого хвастовства и показухи! Каждый из нас пишет книгу своей жизни, которая останется в памяти его потомков и обессмертит его имя в роду! Пусть мои потомки запомнят меня именно такой, какая я есть на самом деле, внутри себя, а не как вымышленный аватар в соцсети!

– Третья задача – оторвать тебя, инста-человек, блогер или просто потребитель фастфуда социальных сетей, от матрицы и дать возможность испить иную чашу, может и не спасительную, но согласись: возможность выбора всегда лучше, чем навязанная тебе рекламодателями виртуальная реальность. Я не против современных технологий, я за альтернативу! Как сказал Морфеус из известной миру киноэпопеи «Матрица», и я присоединюсь к его словам: «Примешь синюю таблетку – и сказке конец. Ты проснешься в своей постели и поверишь, что это был сон. Примешь красную таблетку – войдешь в страну чудес. Я покажу тебе, глубока ли кроличья нора».

– Четвертая задача – показать и доказать в рамках заданного исследования, как можно решить свои неразрешенные внутренние и внешние конфликты с помощью собственной книги. Твоя книга как психотерапевт, домашний целитель и даже джинн, исполняющий самые невероятные желания…

– Пятая, подспудная, задача – подвести итоги некоторых авторских философских дум, вынашиваемых на протяжении свыше тридцати лет бессмысленной писанины в стол и в без-

донную дыру интернета. Здесь тебе придется набраться терпения, выслушать меня и выступить в роли критика моих личных эпосов – полезный опыт, который пригодится и тебе самому, когда однажды ты окажешься по ту сторону баррикад…

– Шестая задача реализует мое женское начало, которое обращено ко всем будущим и потенциальным мамам! Беременность и материнство – идеальная почва для размножения творческих мыслей – опять-таки доказываю и показываю это своим личным примером в рамках реализуемого эксперимента.

«А судьи кто?» – спросишь ты. И будешь прав: амбициозность этого проекта зашкаливает, учитывая тот факт, что в дальнейшем планируется развить и дополнить его виртуальной реальностью, чтобы влить в те самые соцсети, размножить и вовлечь в него как можно больше людей! Присоединяйся к потоку! Подари шанс изменить свою жизнь не только себе, но и окружающим! Вливайся в команду единомышленников! Это просто: начни читать книгу, начни писать собственную и расскажи об этом всему миру, поставив хэштег «#фасткнига». Зачем? Чтобы почувствовать себя частью нечто большего, чем искусственная реальность, чтобы почувствовать силу Слова и открыть ее в себе!

Внимание: эта книга не претендует на оригинальность или истину в последней инстанции! Я не констатирую факты и не провожу серьезные научные изыскания, предлагаю скромные философские размышления несостоявшегося кандидата философских наук, так и оставшегося в вечном сане «магистр философии». При этом я не специалист в области написания книг, хотя успела поработать на ниве журналистики, редактуры и даже писательства. Я не авторитет, хотя критиковала авторов в свое время и ставила вердикты их эпосам на правах главного редактора. Я не самый лучший пример для подражания, хотя смогла добиться невозможного для своих ограниченных возможностей как раз благодаря письму. Я не волшебник, как и ты, я только учусь. А давай учиться вместе? Предлагаю вспомнить школьную программу в этом контексте (Silentium! Федора Тютчева):

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай ***в душевной глубине***
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими – ***и молчи****.*
Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими – и молчи.
Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью – и молчи!..

Слишком глубоко и поэтично, чтобы сразу понять? Зачем молчать, когда я, напротив, призываю к действию? В чем суть тютчевской мысли: мысль нельзя однозначно выразить словами. Наши изреченные слова коверкают изначальные смыслы. Наши изреченные слова спо-

собны трансформировать, преображать реальность как в лучшую, так и в худшую из сторон. Копнем глубже? Позволим мысли не растекаться, так сказать, по древу, а собраться и сформироваться в виде писанного источника знаний – тех знаний, которые уже заложены в нас природой, богом и человеком. Проще говоря, когда ты начинаешь писать, тот самый целый мир внутри тебя раскрывается, а ложь преобразуется в истину – истину твоей жизни! Итак, поехали:

Мысль изреченная есть ложь.
Письмо! Нам истину даешь?

Глава первая, в которой ты узнаешь о том, зачем написана еще одна книга и кому она нужна

Есть такая профессия – писатель, существуют даже заточенные под этот запрос государства, специализированные институты, но это не останавливает любителей пера и слова выпускать каждый день по книге собственного сочинения без оглядки на опыт прошлого и потребности будущего. Да и собственно говоря, нужна ли профессия «писатель», если никто не хочет больше учиться писать, довольно того, что в школе нас научили читать и делать пересказы? Дальше дело за малым. Открой белый лист ворда и строчи. Жизнь каждого – это история, которую можно пересказать авторским слогом. Пиши о том, что знаешь лучше других, – о своей жизни, и ты всегда будешь прав, потому что правда твоей жизни всегда на твоей стороне.

Да и много ли великих писателей училось по своей специализации? Скорее это призвание, разве не так? Даже великие умы прошлого пишут об этом: «Для того чтобы написать свои воспоминания, вовсе не нужно быть великим человеком или видавшим виды авантюристом, прославленным художником или государственным деятелем. Вполне достаточно быть просто человеком, у которого есть что рассказать и который может и хочет это сделать», – пишет А. И. Герцен в предисловии к английскому изданию 1855 г. романа «Былое и думы».

В наше время сочинительство – это больше, чем призвание, это тренд фастмодерна (назовем так период около постмодерна, по аналогии с фастфудом, ибо это эпоха человека, бегущего за бегущим днем): каждый уважающий себя человек должен оставить после себя писаный след. Не умеешь – научим, не хочешь – заставим! И действительно, активная реклама в соцсетях, зазывающая обывателя в ряды творцов и сулящая ему славу гения, работает! Каждая уважающая себя домохозяйка, я уж не говорю о солидных дядях в галстуках, считает своим долгом засветиться в писательском амплуа и гордо выложить яркую обложку со своими инициалами в ленту своего блога. Если вы держите в руках эту книгу, возможно, следующим вашим шагом станет написание собственной? Почему бы нет: если есть такая профессия, как писатель, значит, этому ремеслу можно обучиться – или нет?

Народная поговорка гласит: «Гений – это девяносто девять процентов труда и один процент таланта». Достаточно ли этого? Какая движущая сила нужна творцу, чтобы не просто начать процесс, но и успешно завершить его с готовым результатом в руках? И должна ли при этом каждая новая книга, рожденная из-под пера писателя-самоучки, оправдывать свое появление на свет? Как показывает практика, чем больше вопросов ты задаешь себе, тем меньше шансов у тебя остается на реализацию задуманного. Те, кто хотят писать, пишут, и самая действенная мотивация тут – поставить галочку в освоении еще одной мирской профессии «писатель», доказать своему Эго, что ты не хуже других.

Что до общества, точнее сообщества (так как мы живем теперь больше в социальных мирах), то оно примет любого писателя таким, какой он есть, и даже с овациями (читай: комментами и лайками). Читатель изменился, нет больше смерти автора по Фуко, есть смерть читателя новой эпохи. Каждая рожденная книга вообще необязательно должна быть прочитана; мы живем в мире компьютерных иллюзий: когда вы заходите в компьютерной игре в библиотеку, вы видите сотни и тысячи полок с книгами, но ни одну из них не сможете прочитать, и даже не потому, что они пусты, просто потому, что вам нужно бежать дальше и успеть перейти на следующий уровень фаст-развития.

Если же вы из тех вымирающих динозавров постмодерна, кто привык вкладывать в свой труд не только время и деньги, но еще немного души и хотя бы один процент таланта, то вам будет недостаточно рекламных трюков, вам нужна некая сверхъестественная сила, которая подвигнет вас на этот шаг магического перевоплощения из читателя в писателя. Ведь для вас

сочинительство – это таинство, ритуал, которому свойственны некоторый налет мистицизма, лоск романтизма, а главное – указующий перст свыше.

При этом вы можете читать всю жизнь и даже писать в стол, периодически разгребая его и сжигая до пепла рукописи в надежде, что они все-таки не горят… Единственное ваше утешение – это страсть к сочинительству. Каждый раз, когда вы начинаете все с нуля, возродившись, аки феникс из пепла, вами движет едва уловимый стук пальцев по клавишам компьютера, биение вашего нового писательского позыва и робкие чаяния: «Возможно, этот раз – тот самый?»

Не тешь себя иллюзиями: не тот, не этот и не последующий. Времена стоящих книг канули в Лету. Некоторые умники не без основания полагают, что все уже давно написано до нас в прошлом, а новые произведения искусства лишь жалкие копии, которые мы по невежеству принимаем за «гений». Если нам говорят, что книга – бестселлер, для нас это свидетельство таланта. Спросим: а судьи кто? И наверняка услышим в ответ: «Так говорят все». Не зря же бизнес книгопечатания процветает, точнее так: в моде книги как личный бренд, под формат которого и подстраиваются издательства. Бестселлер в переводе с английского – книга, которая больше всего продается, или иными словами, лучше всего разрекламирована и продана. Количественная составляющая стала критерием оценки. Схема успеха упростилась: приумножай мертвые души своего профиля в соцсетях и становись авторитетом во всем, в том числе в вопросах книготворения.

Когда устами младенца начинает говорить истина, мудрецам время уходить на покой. В этом нет никакой трагичности, это просто особенность зарождения новой эпохи на еще теплящихся остатках старой. Людям умирающей исторической формации всегда было трудно принять это без понимания. Попробуем найти утешение в анализе ближайшей к нам истории.

Экзистенциалисты модерна страдали от конечности бытия, от ограниченности человека в пространстве и времени, их резюме – ищите спасение в творении. Постмодернисты приняли эстафету, пытаясь отыскать бессмертие в творении, но в нем же обрели свою погибель, придя к выводу о том, что рождение произведения есть смертельный приговор для автора. Истинную жизнь в творчество вдыхает читатель – ему было суждено стать новым героем времени. Но герой фастмодерна не хочет быть просто читателем, ему тесно в рамках только потребителя, он идет дальше, требует от себя больше, добивается невозможного, сам становится творцом сущего, пусть и на одно мгновение, на один лишь миг, как факир на час, зато какой!

«Если меня не прочтут или не услышат, зачем писать?» – спросишь ты. Пиши просто так, неважно – хочешь ли ты этого или нет. Без мотивации. Просто в силу особенности эпохи. Если звезды зажигают, значит, это кому-то нужно – так сказал Маленький принц Экзюпери. Неплохое оправдание любого, пусть еще и незрелого творчества. Если ты хочешь писать, эта книга написана для тебя, если нет – то после ее прочтения обязательно изменишь свое мнение. И не потому, что она звучит убедительно, а потому, что начнешь обращать внимание на то, что твои друзья и коллеги уже написали как минимум по одной… И это коллективное устремление фастмодерна «успеть быть как все», как ни странно, работает сильнее и лучше любой индивидуальной мотивации.

Эта книга не делает открытий, отнесись к ней как к закуске перед основным блюдом, это эксперимент на тему «возможно ли написать книгу за месяц». При этом эксперимент не автора, а лично твой, так как в качестве основного блюда в меню нашего ресторана – книга твоего собственного сочинения. Передаю эстафету второй главе, в которой ты узнаешь о том, что не обязательно дочитывать эту книгу до конца, чтобы начать писать собственную…

Глава вторая, в которой ты узнаешь о том, что не обязательно дочитывать чужую книгу до конца, чтобы начать писать собственную

Итак, мы немного разобрались с особенностями нового времени, которое диктует нам новые правила игры. Это время, когда нужно все успеть, времени на праздные размышления нет, точнее так – все свои размышления время выкладывать на бумагу. Книготворение решает несколько задач в нашей жизни:

1. Сам себе психолог: в эпоху фастмодерна царит смятение чувств, они фонтанируют так, что порой кажется, что их вовсе нет, на них нет времени, не до сантиментов, когда столько всего наваливается на плечи человека, бегущего за бегущим днем; психологическое давление со всех сторон, градус негатива зашкаливает, чтобы не накапливать отрицательные эмоции внутри, нужно вовремя вывести их наружу, в этом плане лучшее средство – это писать, писать и еще раз писать.

2. Сам себе герой: когда эпоха твоего рождения не дала тебе примера для подражания, не вывела образ идеального героя нашего времени, самое лучшее, чтобы не сбиться с пути, – самому стать этим героем и примером для подражания, так и будь им! Опиши себя таким, каким ты хочешь себя видеть: лучшим, совершенным, богоизбранным!

3. Сам себе творец: наше поколение реализовало потребности материального мира, у каждого есть пища и кров над головой, опустим детали излишеств, в целом мы не умираем от голода и холода, так вот, самое время подумать о вечном – что останется после тебя твоим потомкам, какое творение сможет увековечить и обессмертить тебя? Если ты не успел развить в себе иных талантов, то опять-таки самое время начать писать! Творчество, творение, творец имеют один корень, и это неспроста – стань творцом своей собственной жизни!

Перейдем сразу к практике: оторвись от роли читателя и попробуй переодеться в писателя. С этой целью достань лист чистой бумаги (именно бумаги, чтобы активировать оба полушария мозга), заручись поддержкой пера, ну или хотя бы ручки, и напиши название своей первой/новой книги и инициалы автора. Это может занять какое-то время. Возможно, ты еще не придумал ни первое, ни второе. Поэтому в качестве варианта предлагаю рабочее название «Мемуары Ивановой Марфы Петровны» (твои инициалы).

Придумай дизайн обложки своей будущей книги: и даже если ты не умеешь рисовать, обозначь карандашом некоторые простые и доступные элементы декора. Это только начало. Когда закончишь, прими удобную позу, расслабься, закрой глаза и представь себе эту обложку уже материализованной: в твоем воображении она может предстать в более совершенной форме, заиграть яркими красками и получить желанный объем исписанных страниц. Рассматривай ее в воображаемых деталях. Какая она – книга собственного сочинения? Что ты ощущаешь, держа ее в руках? Какие чувства испытываешь? Гордость? Удовольствие? Удовлетворение? Попробуй подобрать слова и уловить эмоции – это важно посмаковать какое-то время с закрытыми глазами, насладиться моментами уже завершенного процесса творения.

Пусть этот лист бумаги, как знамя, висит на самом видном для тебя месте спальни или рабочего кабинета, чтобы каждый раз напоминать о твоей новой миссии, вдохновлять и утешать в минуты слабости и сомнений. Даже если времени на писанину нет пока, сохраняй и удерживай в голове образ своей будущей книги, работай над образом обложки всеми доступными для тебя способами. Заимствовать идеи не зазорно, поэтому прогулки по книжным магазинам и изучение обложек в этот период очень даже способствуют накоплению внутренней энергии творения.

«Что за чушь? – скажешь ты мне в ответ. – Как обложка книги в моем воображении может научить меня писать?»

Давай здесь поговорим начистоту: все мы взрослые здравомыслящие люди, понимаем, что стать мастером пера и слова за месяц – это нереально. Но у нас и нет такой цели. Мы с тобой не участвуем в конкурсе творцов, не стремимся к критике Белинского и не метим в мировое наследие литературы. Мы пишем книгу прежде всего для себя самих, возможно, еще для своих детей и внуков в качестве, так сказать, писаного источника памяти. Что главное в этом деле? Не потерять первоначальный запал, ту самую искру, которая однажды вспыхнула внутри нас мыслью «А чем я хуже других? Почему бы не написать собственную книгу?» Так позволь данной книге быть этим самым незримым мотиватором, помочь тебе поверить в себя и сделать еще одно невозможное вчера возможным уже сегодня, реализованным завтра!

Смотри на свою книгу – это важно! Медитируй на свою книгу – это полезно! Дома за завтраком, в общественном транспорте, за рабочим столом, на прогулке или в кругу друзей – где и когда угодно, в любое доступное время! Помимо расслабления в минуты напряженных будней, это придаст тебе со временем уверенности в собственных силах!

Идея книги – это еще далеко не сама книга, но именно идея может свернуть горы и любое иное препятствие на твоем жизненном пути. Наша задача – имплантировать ее в мозг – и сделать все возможное, чтобы она, как чужеродное тело, в нем прижилась. В этих целях активно подключаем воображение и мечтаем, мечтаем, мечтаем. Мечты сбываются! И как только идея даст корни, окрепнет в нашей подсознательной почве, ее реализация будет делом техники. Это как посадить дерево, а потом следить за ним – поливать и удобрять.

Несколько лайфхаков для тебя как начинающего садовника идей:

– Три идеальных периода времени для медитации на собственную книгу: утреннее пробуждение – даем себе рабочую установку творца на весь день; после обеда – «после сытного обеда по закону Архимеда» очень хорошо поспать и немного помечтать – наше сознание отключается, и можно работать с бессознательным, настраивая его на нужную нам волну творения; перед сном – программируем мозг на осознанные сновидения на тему книготворения.

– Начинать медитацию на собственную книгу лучше с практики дыхания: садимся или ложимся в любую удобную позу и концентрируем внимание на дыхании в области живота, можно положить на него руки, чтобы почувствовать движение воздуха вверх-вниз. Задача номер один – из беспокойного ума активиста превратиться в наблюдателя-статиста, который смотрит на себя и на свое положение в мире как бы со стороны. По мере того как наш ум успокаивается, а тело расслабляется, можно переходить из мира физических наблюдений и ощущений в мир воображаемый…

Глава третья, в которой ты познакомишься с примером того, с чего не стоит начинать свою собственную книгу, но прежде анализа – сам рассказ «Безусловная любовь»

Есть такое расхожее высказывание, что в советское время не было любви, точнее, о ней не принято было говорить вслух – это казалось делом зазорным, стеснительным, недостойным гражданина Советов. Возможно, поэтому в детстве мне снились сны, что меня усыновили? А еще я отчетливо помню один из своих первых рассказов, не доживших даже до старших классов. В нем ребенок-подросток пытается купить в советском магазине (это тот самый, с пустыми прилавками, толсторукими продавщицами-церберами и толпами очередей) двести грамм родительской любви. Любви и правда всем нам не хватало тогда, но при отсутствии базовой корзины питания эта проблема казалась меньшей из зол.

Нехватку сантиментов мы, дети, пытались компенсировать в общении друг с другом: сбиваясь в небольшие стаи птенцов-желторотиков, мы дни напролет проводили друг с другом, перелетая из гнезда в гнездо. Все мы жили в одном квартале, и родители охотно соглашались с тем, что нас периодически нет, точнее, мы не болтаемся под ногами, а где-то там, под чужим присмотром. И хотя не было еще телефонов (даже стационарных), мы всегда приходили вовремя на свидания и так же вовремя с них возвращались на семейные ужины.

Всего нас было четверо: две девочки и два мальчика. Нам было лет по пять, но мы уже разбились на пары и даже сыграли воображаемые свадьбы на детской площадке, что, однако, не помешало нам уже через пару лет, при поступлении в школу, развестись. Но эта суровая правда жизни потом, а сейчас мы играем во дворе в «Тимур и его команда» и бежим на заныканный под лестничным проемом перекус. Как всегда, у нас в меню – хлеб на выбор – черный или белый, с сахаром или солью.

Хлеб городским жителям давался в ту пору нелегко: по буханке в руки, многодетным семьям – исключение, а так как мы всегда были неразлучной четверкой двора, многие мамы подкупали нас хрустящей горбушкой за то, чтобы мы отстояли с ними несколько часов в очереди в роли тех самых детей. Домой с таким уловом не придешь, поэтому мы делали заначки и периодически воевали за право их хранения с местными муравьями.

А вообще, это была самая счастливая пора. В детстве многое еще не понимаешь из взрослой жизни, поэтому воспринимаешь время статично – есть только здесь и сейчас. Поругали тебя, скажем, пожурили, пусть и не за дело, пусть и не ты тому виной, а через пять минут ты несешься сломя голову во двор, к любимому другу Пашке, забыв обо всем уже на подходе, только завидев его в песочнице вместе с Дашкой и Наташкой. Нет места обидам, так как их некуда еще поместить. Прошлого и будущего нет, есть только настоящее. Ну и они, твои неразлучные друзья, которые, казалось, всегда будут рядом, и не для того, чтобы поддержать тебя в трудную минуту, а просто быть рядом и все. Вот такая безусловная любовь – попробуй отыщи такую нынче…

Странно писать об этом в уже преклонных летах, на исходе очередного десятка лет, когда многих близких уже нет в живых, да и будущее кануло в Лету. Река времени замкнула свои русла на прошлом, теперь в моей жизни нет настоящего и будущего, есть только воспоминания о былом. С высоты седых волос и глубин рыхлых морщин мир представляется иначе: жизнь пронеслась скоростным поездом мимо, а ты так и остался сидеть на перроне в ожидании чуда. Чудо не свершилось.

Сначала распались семьи: многие родители разошлись в перестроечное время, бранясь, чертыхаясь и проклиная друг друга, затем разъехались мы, дети. Как-то так, своим чередом, по заданному эллипсу Сансары пришлось повторить и собственную судьбу, если ее вообще можно описать личным местоимением. Установка голодного детства на сытую молодость дала переклин в карьерный рост и материальную зависимость. Несколько лет я собирал этот пазл себя из того, что было, в то, кем хотели бы видеть меня родители и их окружение. Отец, несомненно, гордился моими успехами в бизнесе, и это придавало мне большую уверенность в себе.

Когда любви не хватило с детства, ты ее потом по жизни пытаешься купить. Поэтому следующим этапом стала любовь за деньги. Нет, не подумайте ничего такого, девушек легкого поведения среди моих избранниц почти не было. Хотя с какой стороны на это определение посмотреть: ведь те, кто был со мной, встречали меня по одежке и провожали тоже не по уму. Любил ли я кого-нибудь когда-нибудь? Жен, любовниц и вечно сменяющих друг друга секретарш? Скорее нет, чем да. Впрочем, это суждение умудренного старца, в ту пору мне казалось, что это и есть любовь. Были моменты долга, заботы и даже затяжные периоды ответственности, особенно в отцовстве, но уже никогда я не припоминаю тех самых забытых и воскресших чувств из поры детства.

Впрочем, я несколько лукавлю. В моих внуках, да и моих детях лет до десяти точно было чувство безусловной любви, ведь оно даровано нам Всевышним, а не генами изнутри. Теперь я знаю это наверняка. Только вот мы, взрослые, все время пытаемся это чувство подавить, извратить и изуродовать до неузнаваемости нашими якобы премудростями жизни. Вот кому, скажите на милость, первому приходит в голову идея в семье подкупать ребенка обещаниями условного наклонения типа «Если ты посидишь смирно пять минут и не будешь мне мешать, я тебе дам конфетку»? Дальше еще хуже: «Если ты дашь папе поговорить по телефону, я дам тебе посмотреть мультик».

Как-то так незаметно мои дети перестали быть моими детьми, они все больше превращались в чужих, далеких от моего понимания людей, воспитанных на гаджетах и соцсетях. Мои внуки шагнули еще дальше в этот интерактивный мир и уже с пеленок были чипированы, как собачки. Я не имею возможности с ними общаться даже тогда, когда дети привозят их в гости, так как они все время обитают внутри Сети. Более того, в те редкие моменты разрыва, когда они возвращаются в реальность, снимают свои «розовые очки» и включают образцовых внуков, мне даже не о чем с ними поговорить, так как говорим мы давно на разных языках. Я – на вымирающем человеческом. Они – на прогрессирующем компьютерном.

Да, мир вообще изменился с тех пор, как я в него вошел, но люди остались прежними – несчастными и одинокими даже в многоликости своих аватаров и множественности подписчиков. И тщетно пытаюсь я учить жизни сына от первого брака и дочь от последнего: у них своя правда жизни, которую мне уже не дано постичь. На днях мы опять поссорились, разойдясь в вопросе воспитания внуков. Этот, знаете ли, современный тренд на самообучение детей и последующую онлайн-аттестацию меня несколько выбивает из колеи… Как можно заменить класс с учителями и однокашниками компьютерными очками? Разве можно лишить ребенка радости первого звонка? Реального, когда ты можешь подержать его в руках и увидеть воочию? А первая парта? Первый урок и вызов к доске? Первые товарищи, наконец? Как, скажите мне на милость, все это уместить в одном искусственном чипе?

Искусственность давно стала естественностью, а меня поделом называют внуки динозавром. Я вымирающий тип, перешедший за грань возрастного старения и чудом застрявший в нем на полпути в могилу. Нет, я вовсе не причитаю, как старая карга, что мне давно уже пора на покой. Напротив, чем дольше живешь, тем сильнее цепляешься за жизнь и ее редкие маленькие радости. Их начинаешь замечать только на склоне лет, когда время останавливается, прям как в детстве.

Например, я безумно люблю свою собаку, живую собаку, а не тех монстров, что принято нынче покупать детям на дни рождения. Впрочем, внешне от настоящей собаки их можно отличить только по пульту управления в руках ребенка. Когда собака надоедает, ее больше не выкидывают на улицу, а просто отключают одним нажатием кнопки.

Мою собаку не отключить, особенно когда на улице она набрасывается на таких вот плюшевых клонов и пытается вывести из строя их микросхемы, добравшись зубами до внутренних вен-проводов. Говорят, что скоро введут какой-то новый законопроект, обязывающий владельцев живых и искусственных собак гулять на разных территориях, так как в последнее время случаи такой агрессии участились. Некоторые депутаты предложили даже усыплять особо буйных собак или ввести поголовную стерилизацию, чтобы и вовсе свести на нет разведение домашних питомцев.

Мне кажется все это такой дикостью, особенно трехчасовые ток-шоу на эту и другие схожие темы, поэтому я давно избавился от зависимости к экрану телевизора. И больше не ищу в нем отдушину, как прежде, когда я пытался сбежать от назойливой жены и детей в футбол или кровавую резню в каком-нибудь Техасе. Впрочем, здесь стоит сказать о новой интерактивной реальности, которая поразила умы человечества и, слава богу, обошла меня стороной. На смену телевизорам с телевидением пришло просто иное видение мира – сквозь специально наращенную сетчатку глаза, которая отображает мир таким, каким хочешь его видеть только ты сам.

Звучит заманчиво, не правда ли? Я чуть не повелся на этот рекламный трюк однажды, но меня вовремя остановил мой верный пес, точнее, понимание того, что я не смогу найти ему место в своем новом мире, что мне придется пожертвовать им ради высших целей. Как я докатился до такой щенячьей привязанности к этому комку шерсти, и сам не понимаю. Возможно, сказалось все то же детство, точнее – сентиментальные чувства по нему.

Заводчик, продавший мне псину, назвал ее при мне на рынке Пашкой. Мы случайно заскочили в этот заброшенный уголок цивилизации с внуками в качестве диковинного старинного развлечения, но когда я услышал это имя, сработал какой-то внутренний рычажок внутри, и я попался в капкан плюшевого обаяния. И собака вдруг показалось мне такой родной, даже на фоне близстоящих внуков, которые то и дело отключались от реальности, бродя по лабиринтам виртуальных миров. Короче, я ее забрал домой…

Пашка, Машка и Дашка – их давно уже нет в живых – об этом я узнал случайно. Оказывается, есть такой сервис. Дочь подсказала. Так вот: ты можешь найти кого угодно и где угодно, даже при наличии очень скудных данных вроде даты и места рождения или проживания в конкретный период времени или в конкретном месте. Можно посмотреть всю историю жизни, с начала до конца, во всех имеющихся в Сети фото- и видеодеталях. Все там было, в этих жизнях, прекрасно, красочно и даже сказочно: счастливые фото молодых и успешных лет зрелости, годы родительства и становления детей, путешествия по миру, моменты быта и фрагменты личного, даже интимного пространства. Все там было, в их жизни, кроме меня.

Как будто не было этой нашей пионерской переклички по утрам, тайных мест во дворе, спрятанных в лестничном проеме буханок хлеба и беззаботного хождения по гостям в распахнутые двери соседей. Как будто не было Пашки, без которого я не мог сдвинуться с места с утра, так как не находил себе этого самого места, если в его окружении не было лучшего друга. Как будто не разошлись мы, как в море корабли, когда появились на лице юношеские прыщи и не заиграли в венах гормоны половых различий. Как будто я не влюблялся со всей страстью в Машку, не дарил ей проволочное кольцо и мы никогда так и не сыграли с ней в свадьбу на детской площадке. Как будто потом не разошлись с ней из-за кучерявой Светки в первом классе и моего переезда в другой город из-за родительского развода. Может, и правда не было этого ничего? Все только показалось, как и моя старческая вера в ту самую безусловную любовь юных лет?

Глава четвертая, в которой ты узнаешь о том, о чем мы не успели поговорить по прочтении предыдущей, а также о том, что первично – курица или яйцо, четкая идея или случайный порыв мысли

Что же не так с этим рассказом, написанным в порыве ночной бессонницы да на одном дыхании музы, воскресшей из прошлого и сетующей о грядущем?

Можно бесконечно рассуждать о недочетах стиля, нюансах сюжетной канвы или иных редакторских и корректорских премудростях, но самый главный недостаток этого рассказа заключается в том, что он никогда не станет книгой. Точка. И не столько из-за того, что рассказы пользуются меньшей популярностью, чем те же романы, у издателей (в конце концов, книгу можно всегда издать за свой счет), сколько из-за того, что случайный порыв неизбежно останется случаем, он едва ли переродится в привычку. И здесь мы подбираемся к весьма важному для нас вопросу – нужна ли писателю самодисциплина в вопросе сочинительства или полагаться только на вдохновение, душевный, так сказать, порыв к творчеству?

Вопрос о том, что первично – курица или яйцо, – одна из главных головных болей философии, спор об этом ведется на протяжении веков. Не открою тайны, если скажу, что ответ нужно искать в особенностях того временного промежутка, в котором ты обитаешь, у каждого поколения он свой. Так вот, фастмодерн беспощаден, он не оставляет времени на праздные рассуждения. Хочешь – значит, надо, надо – значит, сейчас, сию минуту и ни одной секундой позже, дабы не опоздать наверняка. Нет времени ждать озарения свыше, когда кто-то там тебя вдохновенно посетит и сподвигнет на писательские свершения. Рычаг управления внутри тебя: просто толкай, тяни и двигай всем процессом от начала до конца сам!

Да, бесспорно, произведения, рожденные музой, особенно в ночном экстазе, кажутся стройнее и изящнее любого жирного мемуара, написанного под диктовку четко спланированного сюжета, но… Во-первых, то, что показалось тебе проявлением гения ночью, необязательно окажется таковым по прочтении с утра. Такое разочаровывающее отрезвление – частый гость писателей-полуночников, которым недостает потом сил и воли на доработку своего творения, и оно в лучшем случае уходит на время в стол, а то и вовсе остается погребенным там, аки мумия, навечно. Во-вторых, не тешь себя иллюзией, что после твоей смерти потомки захотят раскопать клад в этой твоей литературной гробнице, отыскать там сокровище и кропать над ним день напролет до появления золотого блеска. Времена не те! Сам посуди. Вот достанется тебе в наследство старый дом с библиотекой, и тут два варианта развития событий: готовая книга о жизни предков либо замаранные каракулями, разрозненные листы бумаги? А у тебя дел непочатый край, какие-нибудь там кредиты, авралы – не без этого в наше время. Не до литературных приисков, не так ли?

Ты, конечно, можешь нанять литературного раба, это во все времена практиковалось (ты же не из тех, кто верит в многогранность людей-звезд, за один день успевающих написать книгу, открыть салон красоты и слетать на собственный концерт), но тогда эта книга тебе не нужна, скорее подари ее тому несчастному, которого ты нанял для этой работы. Хотя несчастным в данном случае скорее придется назвать тебя, ведь ты никогда так и не постигнешь таинства творения, а то, что выйдет из-под чужого пера, вряд ли тронет тебя до глубин сердца, тем более – твоих потомков…

Вернемся же к нашему экспериментальному образчику из главы третьей: будем техничны, как иной ученый, анатомирующий лягушку во имя просвещения, и подойдем с беспристрастием к вопросу творения. Итак, мы отдались на волю провидения, которое подхва-

тило некий идейный порыв (в данном случае – обрывок воспоминаний из прошлого) и понесло нас по руслам невиданной реки вдохновения. Не было четко заданных координат данного маршрута, не известны были ни герой, ни второстепенные лица, расплывчато место описания, и самому автору неведом финал этой истории. Как будто некто завязал тебе глаза платком, и весь этот, пусть и короткий, путь ты прошел вслепую.

Так не будем же слепцами: оставим романтичные грезы о счастливом провидении тем Вертерам-юнцам, что еще не оперились и искренне верят в то, что ими руководит божественная рука свыше. Не только она, хотя человек, безусловно, богоподобен, но не боги горшки обжигают… Не так ли говорят, когда хотят подчеркнуть, что человеку подвластно все, даже самое сложное, только если он будет к этому стремиться и трудиться. Не будем также впадать в иную крайность, прыгая из идеализма в материализм и пытаясь, как робот, писать под копирку заданной программы. Останемся для верности на срединном пути да в состоянии равновесия.

Что такое золотая середина? Попробуем сформулировать так относительно нашего предмета изучения: крепкий каркас идеи, на который наращиваются фантазийные образы и художественные фигуры. Не обязательно иметь четкий план с детальным скриптом, хотя для начинающего творца он не оказался бы лишним, даже если потом ты изменишь ему с поэтическими порывами и уйдешь от первоначальной задумки. А вот что тебе действительно не помешает, и это стоит попробовать прямо сейчас, так это открыть новый лист бумаги и набросать схему возможного повествования.

Чем отличается одно от другого – четкий план от примерной схемы, – думаю, понятно по определению. Настройка на ожидаемый результат всегда важна: только в первом случае ты увеличиваешь градус ответственности, направляя энергию не в то русло (на свои завышенные ожидания), а вот во втором – даешь себе некоторую свободу действий, признавая, что все в этом мире переменчиво и не стоит на этом зацикливаться. «Нельзя войти в одну и ту же реку дважды» – это высказывание Гераклита у каждого на слуху, но у него есть и менее известное продолжение от его последователя Кратила: «Даже единожды в одну и ту же реку нельзя войти». Наш мир – иллюзия, фантазия, мемуар, написанный чей-то рукой… Наша внутренняя речь – это та же река, поэтому, готовясь войти в нее, имейте это в виду и будьте готовы к любым сюрпризам.

Важный момент – как остаться в русле этой реки, то есть как не выйти за пределы очерченной схемы, чтобы не сбиться с пути и не забрести в дремучий лес пустоты? Это такое состояние, когда ты опять-таки, воодушевленный внезапным потоком мысли, мчишься скоростным поездом по клавишам клавиатуры и вдруг, внезапно упираешься в пустоту листа или отсутствие вдохновения. Не забегая вперед, в последующие главы, где мы раскроем секреты того, как приучить себя к дисциплине писателя, предлагаю взять следующий образец схемы на вооружение и попрактиковать прямо сейчас: разбей повествование своей книги на главы, подготовь заготовки – заголовки глав. В каждом таком заголовке дай краткое резюме главы, то есть основную суть, о чем будет идти речь в этом кусочке. Например: в главе пятой мы поговорим о том, почему мемуар – самый беспроигрышный выбор начинающего и не только писателя.

Глава пятая, в которой мы поговорим о том, почему мемуар – самый беспроигрышный выбор начинающего и не только писателя

Тема мемуара, или автобиографии, так и просится под перо, так и вертится на языке, так и выныривает из реки нашего повествования. Это неспроста. Основной аргумент в пользу выбора этого жанра – беспроигрышность. С какой стороны ни подойди – одни плюсы. Обсудим? Поехали!

Зачем мне тратить время на писанину? Если ты дашь себе ответ вроде «хочу творческой реализации», то следующий вопрос к себе: «А есть ли у меня талант? А хватит ли сил довести начатое до конца?» – и так далее, дальше сомнения будут только наслаиваться друг на друга, как снежный ком, и валить тебя с ног. В итоге ты упадешь на диван, нажмешь на кнопку пульта и сделаешь свой выбор в пользу черного квадрата Малевича… Внимание: жанр мемуара не требует от тебя наличия руки мастера и гласа божьего. В школе нас научили читать, писать и делать пересказ прочитанного. Так вот: даже этого от тебя тут не требуется, так как ты описываешь не чужую историю, а свою собственную, то есть ту, которая известна и доступна лишь тебе.

При этом описывать историю ты можешь и иными способами: например, рассказ – через описание одного короткого события или фрагмента из жизни, повесть – через несколько событий, объединенных одним сюжетом, с соответствующими элементами (завязка, развитие, кульминация, развязка), или роман – через несколько сюжетных линий со множеством героев и страниц. Достоинство мемуара в том, что он способен быстрее и проще всего превратить твои воспоминания в книгу, не ограничивая твою свободу ни формой, ни содержанием. Тебе не нужно думать: в какой литературный жанр, собственно, я впишусь. Все, что нужно, – просто писать о том, что ты знаешь лучше других, – о своей жизни.

А судьи кто? Этот вопрос будет преследовать тебя как творца повсеместно, ведь рано или поздно тебе захочется поделиться твоим творением, возможно даже еще на этапе становления, с другими. Тебя будут читать и оценивать. И тебе будет не по себе, так как критика не всегда бывает лестной, особенно если ты не литературный гуру, а начинающий графоман. Автобиография – это авторский труд с авторским стилем и даже авторской пунктуацией. Кто посмеет критиковать то, в чем он не смыслит? В книге о себе ты единственный профессионал на Земле, тебя некому судить, кроме Бога. Второстепенные герои не в счет, им на это отведена своя роль.

Еще раз – зачем тебе тратить драгоценное время жизни на писанину, а не посвятить его, скажем, более выгодному занятию – самопродвижению или заработку в соцсетях? Помнишь этот лозунг поколения пепси «Имидж – ничто, жажда – все!»: Так вот, поколение фастмодерна (читай о нем подробнее в седьмой главе) сказало бы иначе: «Имидж – все, его жажда – еще больше!» И чтобы ее утолить, недостаточно накрутки ботами подписчиков, лайков и смайликов на свой аккаунт. Нужно из себя еще что-то представлять… Умными постами, умело скопированными из Рунета, уже тоже не удивить никого. А вот собственноручно написанной книгой вполне можно. Потому что это показатель зрелости, силы воли и самореализации тебя как личности – книга как личный бренд.

И еще раз – зачем мне тратить драгоценное время жизни на писанину? Тратить время – значит проводить его бесцельно, не получая ничего взамен. Твоя книга – эта та цель, которая тебе дает ключ к самореализации, то есть истинному смыслу твоей жизни. Если отбросить всю мишуру, навязанную нам рекламой, то самое приятное времяпрепровождение любого здравомыслящего человека – это быть среди близких людей, которые тебя слушают и слышат. Ласкающие слух слова «расскажи еще», «как интересно», «ого! ничего себе история!» куда приятнее и милее, чем накрученные лайки на бездушные посты.

Ключевое слово – душа – это то, чего нам сейчас так не хватает, и это то, что порождает жанр автобиографии. Это когда ты и с собой, и с читателем на ты, когда доверяешь ему самое близкое, не требуя при этом ничего взамен. Посмотри: кругом сплошные фото- и видеофикции, безликие копии, снятые с несуществующих людей. Когда-нибудь, как в рассказе из третьей главы, изобретут сервис, который сможет объединить в единый фильм все накопленные человеком в соцсетях материалы, и ничего, кроме вычурного, показушного селфипиара, не смогут рассказать нашим потомкам об их истинной жизни. Этакая антиутопия соцсетей двадцать первого века: люди нацепили на лица счастливые аватарки и делают хорошую мину при плохой игре.

Ну и самый важный аргумент в пользу написания собственного мемуара – это твоя семья! Возрожденная мода на составление древа семьи требует преемственности. Увы, наши корни глубоко зарыты в братских могилах, и мало кто может высчитать родственников дальше Второй мировой войны. Безжалостные жернова Октябрьской революции перемололи многие российские семьи с корнями и не оставили надежды на чудо воскрешения. Нам остается одно только спасение – сохранять и приумножать настоящее для восхода светлого будущего. Твои мемуары, возможно, никогда не станут памятником мировой истории, но личной истории твоей семьи – да!

И пусть это звучит пафосно, но я повторюсь: каждый должен успеть написать за свою жизнь хотя бы одну книгу – книгу своей жизни. Такова тенденция ведущего нас в будущее поколения фастмодерна. Твоя книга необязательно должна служить примером, вдохновлять или убеждать в чем-то кого-то. В мемуарах нет места самопродвижению: в диалоге со своим внутренним подсознательным и бессознательным Я открывается иной, нематериальный путь самопостижения, когда ты как бы выгребаешь завалы прошлого, расчищаешь темные кладовые памяти, высвобождая место для нового и светлого. Именно об этом подробнее читай в следующей главе.

Глава шестая, в которой мы затронем тему, может ли собственная книга заменить психотерапевта и излечить душевные раны

Внутренний инстинкт подсказывает мне, что привычка западного человека прибегать к помощи психотерапевта (даже в решении тяжелых эмоциональных патологий, например продолжительных депрессий или фобий) так же часто, а то и чаще, как к посиделкам в баре с друзьями, вряд ли приживется в нашем сознании. У нас эту функцию исторически вполне выполняют сами друзья. Правда, в последнее время их у нас становится все меньше: на фоне множества подписчиков мы теряем тех единственных, которые по-настоящему нам дороги. И все те же оправдания: «Я просто не успеваю, мне реально некогда, завтра забегу или наберу, ну или хотя бы отвечу». Реальные друзья низводятся до касты виртуальных, а это не одно и то же.

Любопытно будет отметить, что как раз первыми о позитивном эффекте живого общения стали говорить именно на Западе. Возможно, потому что для них это самое живое общение в диковинку. Так, известный нью-йоркский журналист Дэниел Менакер в своем бестселлере «Как разговорить и убедить кого угодно в чем угодно» приходит к выводу, исследуя тему межличностных коммуникаций, что хороший разговор, как хороший секс, способствует выработке гормона удовольствия – серотонина. Классный вывод, не правда ли? Твой лучший друг – твой личный психотерапевт! При этом речь не о том, чтобы сливать друг другу негатив, речь о легкой, естественной и непринужденной беседе.

Другое дело, что мы и сами в погоне за западными ценностями разучились такому общению, а учиться с возрастом – не всем по зубам и по силам. Мы скорее обучимся какому-нибудь сетевому бизнесу и с удовольствием вспомним о друзьях и подругах в этой связи. Не тешьте себя иллюзиями: беседа, в которой главная цель – «впарить товар», вряд ли принесет вам искомый результат. Да и вряд ли ваши друзья захотят продолжить с вами общение в том же интимном, как раньше, ключе.

Я за то, чтобы мы учились такому естественному, живому общению, которое сможет изменить всех нас к лучшему. Впрочем, для этого придется вспомнить Мишеля Одена, который в своей книге «Изучение любви» пишет о том, что для этого по всему миру придется прежде возродить естественные роды. А пока все, что мы имеем, – это то, что мы имеем: людей, по большей части несчастных от отсутствия самореализации, гармонии с собой и окружающим миром. Что же нам делать? Может, обратимся все же к специалисту?

Но нет, мы и тут изворачиваемся и делаем все возможное, чтобы доказать себе и окружающему миру, что мы «психически практически здоровы». Вот, кстати, и справка из психдиспансера почти у каждого имеется. А если совсем припрет, я залезу на форум под вымышленной аватаркой и буду изводить всех историей своей несчастной жизни, пусть пыхтят, читают и отдуваются за специалистов (или вы всерьез думаете, что все профессионалы сидят на форумах, вместо того чтобы вести приемы? В лучшем случае – выпускники-практиканты).

Редко кто из нас готов признаться в своей неидеальности и открыть миру позорный факт обращения к психотерапевту. Такие примеры, безусловно, есть, но они не считаются в нашем обществе нормой и никогда не будут так распространены, как в той же Америке, например, где звонки маме могут быть не вписаны в записную книжку, но сеансы психотерапии выделены жирным фломастером, как маст. При этом никто не говорит об их эффективности (хорошие специалисты на вес золота, их единицы, они недоступны массам). Скорее это своеобразная подсадка сознания на альтернативного помощника: у алкоголика это бутылка, а у интеллигента – личный психотерапевт. В нашей стране все сложнее.

Когда я поступала в свое время на психологический факультет, понимание этой профессии было крайне расплывчато даже для самих преподавателей, а уж область применения по завершении вуза – и подавно. Мы видели себя в роли тех же педагогов, специалистов при школах и детсадах – в лучшем случае. Возможно, поэтому я сбежала с учебы: педагоги в лице старых дев, вечно недовольных всем и вся, наводили на меня страх и ужас. Я понимала, что если останусь, то неизбежно превращусь в одну из этих бесполых, вечно недовольных всем особ: мне придется принять в себе психа, признать всех окружающих неизлечимо больными и третировать молоденьких студенток за то, что они полные бездари и тупицы. Но это мой опыт…

Безусловно, современное представление о врачевателях душ за считаные годы кардинальным образом изменилось в лучшую из сторон: психологи нынче в почете. Мы с удовольствием читаем специалистов, которые пишут на темы взаимоотношений человека с собой и окружающим миром. В почете, но не в моде – и это разные вещи. В моде – владение информацией. Поэтому каждый мнит себя сведущим и в данной области тоже, считая долгом высказать свое мнение и выставить его на всеобщее обсуждение в соцсетях. Почему бы нет? Интернет открыл поколению гаджетов безграничные возможности поиска и освоения материала по любой тематике, в том числе относящейся к области психологии человека. Рассуждать на эти темы не возбраняется, особенно когда у тебя не одна тысяча живых подписчиков.

И те блогеры, которые рассуждают на своих страничках об этом, согласятся со мной, что это приносит им не только моральное удовлетворение. Чтение психологических статей или постов и их собственноручное написание – разные вещи. Анализируя и пропуская через себя материал в целях его обработки и дальнейшего пересказа, мы как бы прокручиваем его через мясорубку мозга, переживаем этот опыт сначала на себе, а потом уже лепим из этого авторские котлеты на потребу подписчиков. Так вот, каждый раз вспоминая и переживая негативный опыт, мы его одновременно изживаем внутри себя, зализывая этими воспоминаниями раны прошлого. И происходит это через анализ ситуации, ее понимание и принятие.

Отрицательные события прошлого, застрявшие в нашем бессознательном на уровне эмоций, переходят в область логического осмысления и представляются нам уже иначе. Мы начинаем мало-помалу прощать себя и окружающих, а через прощение приходит и душевное освобождение, очищение. В этом и заключается суть сеанса психотерапии: подвести тебя к идее, что твоя проблема не существует сама по себе, она зависит от твоего отношения к ней, убери из нее эмоции – и проблема исчезнет!

Нужен ли нам всегда сторонний специалист, чтобы это понять? Еще раз повторюсь: я за живое общение, но прежде чем учиться этому искусству, целесообразнее будет научиться общаться с самим собой! Да, и любой специалист скажет тебе то же самое: пиши, изливай душу бумаге! Это просто, дешево и эффективно. Только чтение и размышление на тему собственной судьбы не производит внутри нее какого-либо значительного сдвига, но вот запуск глубинного подсознательного диалога Я со своим собственным отражением в прошлом и сравнительным анализом в настоящем приводит к поразительным результатам. Особенно если ты не просто будешь писать в стол или в черную дыру соцсетей, а оформишь свои размышления в виде книги, материализуешь свои мысли. Твое несчастное Эго не просто удовлетворится таким подарком судьбы, но возможно, даже прекратит наконец сетовать на нее и излечится от скуки.

Важно помнить, что, как и психотерапевт, книга не гарантирует мгновенного исцеления от твоего эмоционального недуга. Глава за главой как сеанс за сеансом – у каждого свое количество, свои сроки. О главах мы уже упоминали ранее, они важны, как скелет, для поддержания формы и содержания написанного. Каждая глава существует здесь и сейчас, поэтому, имея примерное оглавление книги, забудь о потоке времени и наслаждайся процессом.

Когда ты почувствуешь первую порцию серотонина, тебе не нужно будет заставлять себя писать и искать время на это. Как и хороший секс, как вкусный ужин или приятная компания, как любое иное удовольствие, это захватит тебя всецело. Более того, ты получишь ответы на многие вопросы, которые так и останутся в этой книге до конца не раскрытыми… Их суть откроется тебе в личном откровении с твоим собственным Я, через письмо. Попробуй сам. Прямо сейчас. Напиши о том, что тебя беспокоит. Просто пиши, путь это будет поток эмоций и чувств. Изливай душу Ворду – это самый беспристрастный и объективный редактор. Забудь о суете! И как в той рекламе по телевизору про удовольствие – пусть весь мир подождет, пока ты получаешь свое, собственного сочинения. Глава седьмая – точно подождет, не торопись!

Все эти затяжные подготовительные подводки к основной идее главы были неслучайны. В эпоху фастмодерна нервы человека находятся в постоянном напряжении, на пределе своих возможностей, и не только из-за того, что ему везде приходится поспевать снаружи, но и потому, что на него еще давит психологическое наследие прошлого изнутри. Здесь сразу все: с одной стороны, неудовлетворенные желания детства, детские потрясения и обиды, с другой – память предков, со всей вереницей бед и страданий, выпавших на долю нашим прародителям за долгие годы скитания по советскому, царскому и другим временным пространствам, с третьей – болезненный перфекционизм современного мира.

Все это живет и гниет внутри нас. Хуже того: неизжитое, оно передается по наследству и нашим детям. А у нас нет времени ни на друзей, ни на специалистов, а если и найдется, то наше неумение выстраивать диалог приводит лишь к его растрате. А в итоге – разочарование. Как тут найти время на сочинительство, спросишь ты, и возможно ли не разочароваться и в нем? Возможно все, потому что мы живем в эпоху фастмодерна. И уж поскольку этот придуманный мной термин постоянно сквозит в повествовании, предлагаю нам остановиться на нем подробнее. Нам это пригодится, чтобы понять, кто мы, творцы, и куда движемся.

Глава седьмая, в которой мы поразмышляем о придуманной мной эпохе фастмодерна и ее роли в судьбе автора

Краткий экскурс в историю. В Античность человек знал, что он способен на многое, но выше человека всегда стояли боги. Эпоха Средневековья утвердила эту мысль, возведя в ранг единственного творца – единого Бога. Эпоха Возрождения попыталась это право человека на творчество отстоять и утвердить веру в его безграничные способности. Эпохи Нового времени и Модерна позволили человеку немного возгордиться своей уникальностью, но Постмодерн вернул его с небес на землю. Жажда творчества ради творчества перегорела из-за бессмысленности конечного продукта творения. Ницше убил Бога, а Барт убил богочеловека. В отсутствие творящей руки должен был воцариться хаос, но он принял особую форму новой эпохи. Был ли постмодерн в нашей стране? А в других странах? Почему все меряется линейкой Запада? – оставляю эти вопросы на суд читателя…

Уже в третий раз переписываю эту главу, безжалостно снося возведенную громаду мыслей под самое основание. Меньше всего хотелось бы тут цитировать «Википедию», умничая на тему смены эпох и поколений. Все эти деления весьма условны, учитывая тот факт, с какой скоростью сейчас переписывается и меняется сама история, низвергается в пучину сомнения и критики. Да, учебники остались те же, учителя по-прежнему твердят о том, что мы произошли от обезьяны когда-то и вот доросли до эры людей постмодерна. Слова-то какие заумные, аж скрежет на зубах. Поэтому давай оставим эти размышления для тех отчаянных смельчаков, которые не боятся слыть невеждами через пару поколений, и перейдем сразу к сути.

Фастмодерн – это мое личное восприятие эпохи, в которой мы с тобой пребываем. Оно не претендует на универсальность, хотя некоторые мои идеи, возможно, пригодятся тебе в целях самопостижения и написания собственного труда. Знать отправную точку своего рождения и вектор ее направленности – значит видеть перспективу дальнейшего движения, понимаешь, о чем я? Если ты родился в советское время, тебе будет не хватать его, как «золотого века» детства, если в развал Союза – будешь сетовать на судьбу и заниматься вечным накопительством, ну а поколение гаджетов, объевшееся до отвала заморскими благами, будет пытаться отыскать свое счастье в виртуальном мире. А может, ты вообще родился в Африке…

Это только точка отсчета, далее важно признать, что в новую эпоху тебе доступно все, даже дар писателя, даже если ранее ты в себе его не наблюдал. Третий важный момент – понять, что завтра наступило уже сейчас и тебе не нужно набираться опыта и ждать блеска седины в висках, чтобы начать творить. Хочешь быть счастливым – будь! Хочешь быть богатым – будь им! Хочешь быть успешным – стань успехом! Важно наконец понять, что ты находишься не просто в одной эпохе, а живешь сразу в нескольких параллельных реальностях и сам решаешь, остаться ли тебе в традиционном обществе или перейти на иную ступень развития.

Фастмодерн не имеет временного промежутка, он объединяет всех и сразу, при этом пытаясь дать понять, что настала иная эра. Если ты не успеваешь, то отстаешь и быстро устареваешь. Нужно постоянно двигаться вперед, быть в тренде, в курсе и в теме. Фастфуд, фаст-кар, фастудовольствия – все это характеристики человека, бегущего за бегущим днем. Кто-то остался в поколении пепси и закусывает свой гамбургер одноименным напитком, кто-то сменил этикетку на экопродукцию и ест теперь только фасттраву.

И в том и в ином случае налицо проявление основной черты нашей современности – ускорение времени, информации и жизненного темпа. Мало прожить только одну жизнь, поэтому многие уже к тридцати годам успевают прожить несколько, меняя попутно имена, страны, семьи и не один десяток профессий. Возможно, скоро мы и правда научимся менять тела, тогда

этот круг сансары в восемь ступеней йоги можно будет пройти всего за одну жизнь. А пока мы еще не волшебники, но фастмодерн уже предлагает нам новое пространство для реализации любых наших самых невероятных дерзновений.

Фастмодерн – это и не время, по сути, это некое измерение, в котором оно преломляется и становится бесконечным. Ты можешь гнаться за бегущим днем и не успевать, а можешь научиться делать паузы и наслаждаться свободой вневременья. Все в твоих руках, еще точнее – в мозгах! Ты творишь свою собственную реальность через письмо, которое активизирует твое мышление и воображение. Это важно – почувствовать себя творцом – только так, переписывая чужой сценарий своей жизни, ты сможешь написать свой собственный, придумать идеальную жизнь с чистого листа.

Кто-то может возразить, что это просто подмена понятий «постмодерн – фастмодерн», притянутая за уши классификация, не имеющая ничего общего с общепризнанной позицией мыслителей современности. И знаешь, что больше всего мне нравится в этом плане в моем фастмодерне (бери на заметку!), что ему абсолютно плевать на то, что о нем думают другие: кто не успел, тот опоздал – и точка. Если ты не принимаешь ветер перемен, то он все равно тебя снесет со своего пути, только не в самую благоприятную для тебя сторону.

Фастмодерн изобилует информацией, причем чаще всего противоречивой. Поэтому это эпоха истерии и неврозов вокруг раздутых скандалов и разоблачений. Человеческий мозг, стремящийся к логике, не способен переварить такое количество абсурда: в школе тебя учат одному, дома говорят иное, реальная жизнь и того хуже – каждый раз показывает и доказывает новую теорему бытия. Это время переизбытка выбора и одновременно время голода – когда мы в нашей невозможности определиться готовы отказаться от всего. Это время перемен, и чтобы мягко войти в потоки фастмодерна, нужно его принять со всеми странностями и непонятностями. Чтобы пережить то время, в котором мы пребываем, жизненно необходимо писать – это единственное, что может сохранить внутреннее и внешнее равновесие человека старой формации. Это единственное, что научит тебя ценить слово и мысль, ибо они материальны, и мы должны учиться нести ответственность за то, что слетает с нашего языка.

Новая эпоха наступает на пятки порождением людей новой формации. Поколение индиго – слыхали про таких людей со сверхспособностями, которым доступны альтернативные источники энергии и информации? На самом деле это и есть образец поколения фастмодерна, высшая точка его проявления, кульминация эпохи. В эпоху ускорения времени они единственные, кто умеет им управлять, пребывая в гармонии с окружающим пространством. Вместо глобальной Сети интернета они используют глобальную сеть идей – ту самую, о которой еще в далекие античные времена размышляли Платон и его бессознательное Я в роли Сократа. Как подключиться к этому миру идей нам, простым смертным? Для людей старой формации – это инсайт, или просветление. И тут самое доступное из подручных средств – это опять-таки письмо. Внутренний диалог рождает спор, а в споре рождается истина. Истина – это не что иное, как озарение, так как принятие ее происходит изнутри, а не снаружи. Пиши и просветляйся!

Внешнее знание непередаваемо, увы, поэтому все, что может дать тебе эта глава, – это пища для размышлений. Ты можешь с ней соглашаться или нет, но она займет свое место внутри этой книги, чтобы однажды сыграть свою роль далеко за ее пределами. А чтобы тебе было легче осмыслить этот переходный период, в котором мы пребываем, предлагаю почитать мою отроческую повесть о положении автора в период постмодерна, написанную во времена моего университетского обучения и вошедшую в магистерскую диссертацию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта работа написана под впечатлением и влиянием постмодернистов-философов, которые никак не могли свыкнуться с новыми реалиями (переход из Модерна в Постмодерн) и искали способ, как сохранить Автора и авторство в новых условиях. Творец, творение или язык – кто главный в схватке за обладание вечностью перед лицом гибели очередной эпохи? Читаем далее, хотя стиль повествования не прост – предупреждаю. Тем не менее, оставляю его в первоначальной, неизменной редакции намеренно. Каждые семь лет, по данным ученых, наше тело обновляется на клеточном уровне. То, кем я была семь и более лет назад, – это уже не то, что я есть сейчас.

Каждый опыт твоей жизни бесценен: накапливай его, описывай и сохраняй в веках для себя и будущих потомков. Это то самое волшебное зеркало, сквозь которое можно не только лицезреть свое прошлое, но и прогнозировать будущее. Анализ, переосмысление и переоценка ценностей происходит по так называемому герменевтическому кругу, открытому протестантским богословом Фридрихом Шлейермахером: мысль бесконечно движется по расширяющемуся кругу. Повторное возвращение от целого к части и от частей к целому меняет и углубляет понимание смысла части, подчиняя целое постоянному развитию. Простыми словами: перечитывай себя и переоткрывай заново.

Итак, повторим философский урок седьмой главы, чтобы лучше понять, о чем пойдет речь в Повести. Ницше провозгласил Смерть Бога, а философы новой эпохи (Постмодерн) Фуко и Барт констатировали позже Смерть Автора, намекая на то, что все творцы низведены в пучину небытия своим же творением. Каждая книга всегда написана здесь и сейчас, она как бы создается заново при каждом новом прочтении, потому что источник смысла лежит исключительно в языке самом по себе и во впечатлениях читателя.

Вкратце мы с тобой постигли суть философии творения. По верхам, безусловно. Но все же. В век фастмодерна каждый уважающий себя писатель может сделать более утешительный вывод и найти спасительный выход из тупиковой ситуации в отличие от главного героя моей повести. Все очень просто: пиши не для того, чтобы донести до кого-то свою гениальную – в кавычках – мысль, а просто так, потому что это тренд времени и твой внутренний творческий позыв. Перечитывай себя и удивляйся, пугайся или восхищайся, вдохновляйся! Пусть читают другие и воспринимают иначе. В этом нет никакой трагедии: это особенность фастмодерна – и точка.

А пока ты переваривaешь эту прозаическую мысль, читай ниже недозрелую поэзию моей отроческой поры.

Повесть «Смерть автора» вместо главы восьмой
Философская повесть

*

Осенний ливень застал писателя врасплох: он думал, что на улице еще лето, а в душе его вообще цвела весна. Отчасти причиною этого недоразумения послужило его длительное творческое заточение, на которое писатель сознательно обрек себя с единственной только целью – перевоплощения, перерождения из простого пописывающего графомана в значительного автора с собственным именем и местом под солнцем литературного сообщества. Он вынашивал идею своего нового романа уже давно, и только теперь, после долгих бессонных ночей и творческих схваток, на свет появилось нечто, претендующее на обладание формой и содержанием.

И хотя писатель едва улавливал в нем черты родственной связи, тем не менее он бережно запеленал плод своей душевной страсти в картонный переплет и прильнул к нему дрожащим сердцем. Как и всякое другое новорожденное существо, оно хотело кричать и быть услышанным, поэтому писатель, как и всякий другой заботливый родитель, сразу же понес его к издателю.

Он неторопливо шел вдоль набережной, и глядя на искрящуюся рябь реки и протянувшиеся к ней нити солнца, в его воображении внезапно вспыхнул образ тысячи ангелов, которые вдруг разом закинули в воду удочки, и на них клюнула стая невидимых рыб. Писатель спустился к воде и, несмотря на прилипший к телу, мокрый плащ и хлюпающие ботинки, остановился на мгновение в задумчивости. Обеими руками он обнимал папку со своим творением и только об одном молил бога: дабы какой-нибудь неопытный ангел по ошибке не лишил его смысла жизни, который отныне был целиком и полностью сосредоточен в исчерканной чернилами стопке бумажных листков. Точно загипнотизированный, смотрел он на воду и ужасался той мысли, которая блуждала в его сознании: «Если сейчас, сию минуту что-нибудь случится с моим романом, я умру мгновенно, не сходя с этого самого места». Однако по счастливому стечению обстоятельств ничего не случилось. К тому же небесная рыбалка подошла к концу, солнце вынырнуло из-под свинцовых туч и на мгновение повисло над зеркальной гладью реки, прихорашиваясь перед уходом за горизонт очередного дня. Писатель очнулся, вздрогнув от прикосновения случайного ветра, и поспешил в издательство. Вечерело.

На лестнице по пути в заветный кабинет его чуть не сшиб с ног какой-то торопившийся тип, и если бы не стенка, на которую он вовремя облокотился, то, верно, потерял бы равновесие. Но в его воображении уже успела вырисоваться эта картина падения и выпадения из рук папки: десятки разлетевшихся и тут же сметенных и скомканных толпой листков романа… Несчастному сделалось дурно, и он сполз на корточки на пол, будто сосуд его тела вдруг треснул, а содержимое вытекло наружу. Его собрали кое-как прохожие и плюхнули на стул. Удача, несомненно, улыбалась ему сегодня, поскольку его спасителем оказался сам издатель и несколько его помощников, проходивших мимо.

– Ба! Да это ж писатель. Давненько его тут не было, – воскликнул один из помощников.

Писатель открыл глаза и еле слышно выговорил, отрывая от груди и протягивая папку издателю: «Роман».

– Да, да, – вздохнул измученный издатель, взял папку, прикинул на глаз, сколько там, прибавил в уме еще несколько таких же, что томились в ожидании с утра на его рабочем столе,

и понял, что до дома сегодня опять не доедет. Ежедневно через его несчастную голову, точно сквозь мясорубку, прокручивался десяток безымянных текстов, знаков и символов, и ничего, кроме мертвого фарша, взамен не оставалось. Однако массам этого было вполне достаточно: слепишь из этого месива пару котлет на потребу вкусовым запросам толпы, а те все съедят, да еще и добавки попросят с подливочкой.

Пока издатель искал место принесенному роману на своем столе, писатель, напротив, никак не мог найти свое, нервно теребя платок в кармане: «Возможно, он уже начал читать или вот-вот начнет». На выходе из редакции он чуть повременил с уходом и, в который раз окидывая взглядом привычное глазу здание, погрузился в ностальгические воспоминания о своем первом приходе сюда.

Тогда он еще был просто пишущим, а его мысли – просто текстами, набором символов и букв, и никому они не были интересны, никто не хотел их читать и слушать. Немало кровавых жертв пришлось положить ему на алтарь своей гордости и самолюбия, чтобы стать писателем, хотя бы и одним из многочисленных, но все же на одну ступень выше и ближе к заветной цели, и это согревало его душу и тело. Однажды он выделится из безликой толпы и возвысится над самим собой, и от осознания того, что, возможно, это происходит уже сейчас, его передернуло и окатило нервной дрожью – колкой, но приятной.

Последний раз он испытывал нечто похожее в самый первый раз, в момент инициации в писатели. Однако тогда его письмо было далеко от совершенства во всех отношениях и не шло ни в какие сравнения с тем, что лежало теперь на столе у издателя. Все прежние абортированные мысли мертвым грузом ложились на бумагу по принципу «лишь бы успеть к сроку хотя бы что-нибудь» и не оставляли в памяти по прочтении ничего, кроме пустого разочарования и скуки. То, что вышло из-под пера писателя на этот раз, было живым, живительным и живородящим. Он сам еще не понимал, что это было такое, но предчувствие никогда не обманывало его прежде, и уж конечно, не могло подвести сейчас.

Шаг за шагом. Слово за слово. Писатель, сам того не замечая, уже давно оставил позади редакцию и шел теперь в неизвестном направлении, тихо разговаривая сам с собою лишь ему известно о чем. Позади он оставил то, чем в последнее время дышали его легкие, билось сердце и функционировал мозг. Минуты разлуки действовали на него разрушительно, хотя бы он и был уверен, что детище его в надежном месте и верных руках. Однако тревога и волнение не покинули его даже тогда, когда, сам не понимая как, он все-таки добрался до своего дома и постели и, скрутившись слизкой улиткой в раковину одеяла, уткнулся лицом в подушку.

И только когда в полудреме к нему начали возвращаться долгожданные страницы и, точно карточная колода, раскладываться в пасьянс-роман, писатель вздохнул с облегчением. Капкан нервных мускулов разомкнулся, высвободив наружу его измученное тело, и он забылся беспробудным сном, бормоча под нос единственное только слово – «автор». Именно это слово произносил теперь издатель, дочитывая последнюю страницу романа и восклицая: «Автор, родился автор!»

**

Новоиспеченный роман гордо стоял на подставке в центре книжного магазина, величественно возвышаясь над всеми остальными книгами. До открытия оставалось несколько минут, и писатель еще раз подошел к своему творению. Теперь, когда он собственноручно выпускал свое детище в свет, его переполнял страх перед той неопределенностью, которая их ожидала, трепет перед встречей с судьбой, которая была еще не знакома. Одновременно его снедала горечь расставания, поскольку он отрывал от собственного сердца трепыхающийся кусок плоти, и ему было больно.

Так стоял он, увлеченный своей тихой грустью, пока его сомнения не развеял чей-то тоненький жужжащий голосок:

– Извините, это не здесь презентация нового романа с автографом автора?

«Автора», – отдалось громовым эхом в голове писателя так, что из глаз чуть не хлынул ливень радости.

– Да, – громко и уверенно, как отличник, проговорил он и обернулся к своему первому судье. Им оказалась читательница. Она посмотрела на него сквозь светонепроницемую бронь стекла и сдержанно улыбнулась.

Вообще-то, она торопилась и в книжный заскочила мимоходом. И если бы не случайно прочитанное объявление о презентации нового романа, да еще и самим автором, то наверняка повременила бы с литературой. Но ей было любопытно: какие они, эти мастера слова и сердца. Раньше она никогда не видела их живыми, ей вообще казалось, что они не живут, а если и существуют на самом деле, то где-то в подземном мире, при тусклом свете лампады, в полном уединении и почти никогда не выходят наружу.

Когда она наконец поняла, кто перед ней стоит, по тому, как писатель протягивал тут же подписанный экземпляр романа, читательница вдруг разволновалась, нервно сдернула очки с лица и втюрилась в лицо незнакомца, точно в последнюю модель туфель от Валентино. Так стояли они молча, изучая друг друга, подобно двум пришельцам из неведомых космических глубин, и не находили слов, чтобы выразить восхищение: он, как воплощение ее грез и мечтаний, и она, как осуществление его чаяний и надежд. Так и расстались. Без слов и лишних движений. Она просто развернулась и ушла, он замешкался и не успел ее остановить. Ее поглотил шумный город, его – бурлящий омут мыслей. Вероятно, они так больше и не увиделись бы, если бы не роман.

Роман был еще нем, но уже свободен от предрассудков и сомнений своего создателя. Последний вообще нужен был ему только для появления и введения в свет, на этом его миссия была закончена. Только вот у автора были на этот счет иные планы, при этом далекоидущие. Он мечтал сделать единичное достоянием множественного, сделать это так, чтобы его личные идеи обрели форму общественного признания, и посредником между ними выступал бы роман. Он еще не подозревал, что этот самый роман, лежащий теперь на столе у читательницы, уже не его роман, не родное детище и даже верный союзник. Это уже нечто инородное, чему чужой язык, слово и мысль придавали теперь новое формообразование.

Читательница взяла книгу нехотя, но с некоторым любопытством. Ее влекло притяжение надписи и магический код цифр, оставленных автором: «Моей первой читательнице в надежде на первую рецензию. Телефон: 000-00-00». С одной стороны, ей сию же минуту хотелось броситься к телефонной трубке, с другой стороны, надежда автора еще была не оправдана, а роман не прочитан, поэтому она попридержала свой внезапный порыв и перелистнула еще одну страницу.

Первая глава оказалась легкой, быстрой и незаметной, как десертное мороженое в раскаленный июльский полдень, вторая – на какое-то время встала поперек горла, потому что ее пришлось заглатывать целиком и не прожевывая, и если бы не спасительная, как глоток воды, третья, то читательница наверняка подавилась бы костями ее содержимого. Наконец, она насытилась, роман был кончен. Оставалось набрать тот самый номер и услышать тот самый голос, который с некоторых пор, точно черный человек, постоянно мерещился ей по углам улиц, магазинов, офисов и даже дверных проемов собственной квартиры, не говоря уже о телевизоре, радио и других сми-носителях. Всего пара слов, всего одна фраза, какое-то там незначительное по своей лингвистической структуре предложение, но ведь произнесено-то оно было самим автором, кумиром, божеством – недосягаемым и одновременно таким вот близким, что ему можно и позвонить.

– Алло!

– Слушаю.
– Это автор?
– Да… Это читательница.
– Добрый вечер.
– Добрый… Я по поводу рецензии.
– Я весь внимание…
– Вы хотели, то есть написали, что в надежде… на первую рецензию…
– Кафе за углом Малоямской, 22:00 устроит?
– Да, конечно!
– Тогда до встречи!
– До свидания…

Сигнал «бип-бип-бип» повешенной трубки телефона, такой долгий, нудный и докучливый, не сразу добрался до ее сознания сквозь беспрестанно повторяемую мантру «кафе за углом… 22:00» и побудил наконец встать и долго-долго наряжаться. Долго, поскольку она никак не могла подобрать подходящий под случай наряд. Долго-долго оттого, что то, что подходило под случай, совершенно не шло ей самой. Видимо, поэтому, выбившись окончательно из сил, она остановилась на золотой середине: подходящий под случай верх и по фигуре низ.

Уже на выходе она вдруг замешкалась и остановилась, вспомнив неожиданно об оставленном на кресле романе. Такой вот потрепанный, лежал он теперь сиротливо, вообразила тут же читательница, такой вот обиженный на весь свет за свое принудительное одиночество. Однако это не помешало ей продолжить проложенный к кафе путь без самого виновника событий. Книга была ей более не нужна. Это осознавал и сам роман. Ведь он пришел не для того, чтобы остаться и лежать на одном месте где-то там, на книжной полке магазина либо ночном столике спальни. Отнюдь. Он пришел не для того, чтобы остаться, но для того, чтобы действовать, чтобы проникнуть в человеческий мозг, хотя бы и один-единственный, но завладеть им всем целиком и без остатка.

И пока писатель и читательница шли навстречу друг другу, уверенные в том, что сами управляют своим жизненным маршрутом, таинственные силы, заключенные в слове и языке, незримо тасовали ими, как карточной колодой, и раскладывали в как бы случайный пасьянс. А к тому времени, как дороги их пересеклись, все уже было предопределено. Конец был неизбежен. Поскольку как только вы порождаете нечто себе подобное, то должны освободить ему подобающее место, а сами подвинуться. Подвинуться – значит передвинуться на другое место, чужое место, чье-то место или исчезнуть насовсем. Они еще оба не знали, что им предстоит пережить, но внутренне уже предчувствовали ветер перемен: она – разоблачение кумира, а он – карающую руку палача. Наконец, дверь в кафе сердито рявкнула, и скучающим взглядам посетителей предстали удивленные друг другу странники: читательница и писатель.

Писатель: Добрый вечер! Вы прям как по часам, минута в минуту.

Читательница: Добрый! Вы тоже.

Писатель: Я не люблю опаздывать. Привычка.

Читательница: Завидую вам. У меня все наоборот. Сама не знаю, как это меня сегодня угораздило.

Писатель: Ну что, присядем?

Читательница: Пожалуй.

Писатель: Вы что будете, чай, кофе?

Читательница: Кофе, или нет, лучше чай.

Писатель: А я, пожалуй, все-таки кофе.

Читательница: Со сливками и корицей. Угадала?

Писатель: Да. А откуда?..

Читательница: Как и ваш герой.

Писатель: Вы решили, что я его с себя списывал.

Читательница: А разве не так? Большинство главных героев – переодетый и замаскированный автор. Одни приукрашены и разодеты, другие, наоборот, раздеты догола.

Писатель: Ну и как я вам?

Читательница: Вы голый, и вам это не идет.

Писатель: Мда, чувствую, критика будет жесткой и беспощадной. Чем вы занимаетесь?

Читательница: По жизни? Как раз этим и занимаюсь. В газете. Точнее, я редактирую, редактор. Но критики вам все равно не избежать.

Писатель: Неужели все так плохо?

Читательница: Честно?

Писатель: А режьте уж правду-матку, как есть…

Читательница: С массовой точки зрения, ваше произведение будет воспринято как гениальное, и в этом есть своя правда, но не избежать и лжи. На фоне эстетики слов и выражений сюжетная линия банальна и предсказуема. Да и потом не бывает такого в жизни, увы.

Писатель: Вы не верите в искренность отношений и чистоту любви?

Читательница: Я верю в то, что вижу. И если внимательно смотреть, то статистика неумолимо свидетельствует об обратном. Да и потом не такие уж и идеальные эти ваши герои. Он бродячий писатель, она вечно одинокая и недовольная жизнью редактор. Оба уже немолоды, бесперспективны и отчужденны. И вдруг ни с того ни с сего встречаются случайно в книжном магазине, и между ними образуется нечто похожее на влечение и страсть. Разве это возможно?

Писатель: Отчего же нет?

Читательница: Да к тому времени, как они повстречались, у них уже все атрофировалось, все чувства испепелены, а эмоции иссушены. Возьмите главную героиню, она же антиреальна…

Писатель: Позвольте, но речь не о героине, а о герое. Главная фигура – писатель, ему посвящен роман.

Читательница: Боюсь, вы ошибаетесь и заблуждаетесь в себе самом же. Главное действующее лицо, несмотря на кричащее название, именно героиня. Именно она вдыхает жизнь в мастера и дает силу и энергию его угасшему искусству, именно она его вдохновительница, Муза.

Писатель: А как же герой-любовник, которому и посвящен сюжет?

Читательница: Если вы кому-то что-то посвящаете, то необязательно речь о нем, хотя и для него.

Писатель: По-вашему, герой лишь пешка, что ли?

Читательница: Вот именно, вы сами дали определение. Пешка в руках читательницы, которая вдыхает жизнь в его роман, как мать, рождает его на свет.

Писатель: Постойте, я всю жизнь считал именно писателя породителем и отцом своего творения, а вы утверждаете обратное?

Читательница: Отнюдь. Писатель – отец, а читательница – мать.

Писатель: Но ведь это писатель вынашивает идею в своей голове?

Читательница: Он этой идей обладает, как потенцией к семяизвержению, оплодотворению яйцеклетки по имени читательский мозг и зарождению на свет нового произведения, извините за натурализм. Пока нет читательницы, роман глух, нем, слеп, безжизнен и никому не нужен. Он даже и не роман вовсе, лишь набор букв, игра слов в рамках текста и бумаги. Кровь и плоть роману дарует читатель.

Писатель: Громко сказано. Но не будь романа как такового, написанного этим самым писателем, то неоткуда взяться и читательнице, поскольку читать и критиковать было бы нечего. Как бы там ни было, по задумке главное лицо – герой романа должен встретить свою героиню не ради пробуждения романа, но чувств.

Читательница: Любовь – это метафора. Из любви должно нечто рождаться, иначе она, как перезрелый плод, упадет наземь и бессмысленно сгниет.

Писатель: Вы ищете подсмысл за смыслом, подтекст за текстом. Мне кажется, я более чем прямолинеен и прост.

Читательница: Вы сами не оценили еще глубины написанного. Такое часто случается с великими людьми. Вашими устами глаголит истина, которая порой бывает недоступна даже тому, кто ею говорит.

Писатель: Мда уж… Честное слово, вы меня ставите в тупик. Хочется броситься к книге и перечитывать ее заново.

Читательница: Возможно, если вы перечитаете ее с нового угла зрения, вам откроется нечто, чего вы ранее не замечали.

Писатель: Возможно. Признаться, я в смятении. Ну да ладно. Вы совсем не пьете свой чай, он уже остыл.

Читательница: Спасибо, я не люблю горячий. И все-таки я считаю, вам стоит переосмыслить написанное, а главное, роль героев, их истинную роль в ряду событий.

Писатель: Давайте лучше от прозы к поэзии перейдем. Вам какое пирожное заказать?

Читательница: Никакое, спасибо. Я на диете.

Писатель: Диета… У меня тоже с некоторых пор открылась диета. Стараюсь ограничивать себя в словоохотстве.

Читательница: Вам, наверно, неприятны мои слова. Вы уж простите, что я вас так открыто критикую.

Писатель: Да уж лучше так, чем никак. По крайней мере, это отрезвляет.

Читательница: Я ни в коем случае не хотела вас обидеть или умалить ваши заслуги…

Писатель: Только не надо этой туфты насчет моих заслуг перед отечеством! Я хотел донести до читателей частичку себя, понимаете? И только…

Читательница: Понимаю, а получилось наоборот… Да вы не расстраиваетесь так. Вы, наверно, ожидали другой рецензии.

Писатель: Я не расстроен. Как раз рецензию я и ожидал, а получил оценку, да еще и неудовлетворительную.

Читательница: Критика всегда болезненна.

Писатель: Мне не больно, я не расстроен, еще раз повторюсь. Я сломан, разрушен, вы меня вывернули только что наизнанку и показали, что там ничего нет.

Читательница: Вы меня не поняли. Я не имела в виду ничего такого…

Писатель: Вы понимаете, что, разрушив моего героя, переиначив мой роман, вы разрушили меня, изменили до неузнаваемости так, что я уже не чувствую своего Я?! Я – это не я, а кто-то еще, помимо меня, чуждый мне не-я!

Читательница: Мне, наверно, лучше уйти. Простите, я не хотела испортить вам вечер.

Писатель: Сидите. Вы же не виноваты в том, что я никудышный писатель, вы всего лишь подвели черту под моим прошлым, впрочем, как и будущим, которое она попутно перечеркнула.

Читательница: Ну, не говорите так. Это уж слишком. Вы отличный писатель, просто иногда мы не замечаем того, что у нас под носом, хотя с легкостью заглядываем под чужой.

Писатель: Это вы сейчас про себя или меня?

Читательница: Обоих.

Писатель: А вы забавная, хотя я вас уже начал побаиваться.

Читательница: Меня? Да боже упаси. Неужели я такая страшная?

Писатель: Отнюдь. Вы даже очень привлекательная и умная – качества почти несовместимые в одной женщине. За это я вас и прощаю.

Читательница: И все-таки…

Писатель: Все-все. Хватит о литературе. Давайте лучше о вас.

На этом, казалось, неприятный инцидент с критикой был исчерпан, казалось, тема была сменена, и разговор лился рекой, если бы не одно но, не одна запятая и многоточие, проступившие и разросшиеся, точно разводы от брошенного в воду камня, в подсознании писателя. И как ни силился он вслушаться в слова читательницы, как ни старался вникнуть в суть беседы и поддержать ее, ему подспудно слышались и мешали они, те самые подсмыслы, подтексты, к которым прежде он оставался глух, а теперь они окружали его повсюду.

Не в силах выносить это обостренное чувство слуха, он вдруг подскочил как ужаленный со стула, залепетал несвязанную речь в оправдание своего побега и второпях выбежал вон. Свежесть воздуха и прохлада ветра на какое-то время успокоили зуд его оголенных нервов, но как известно, укусы лучше не чесать, яд уже и так проник внутрь, а если еще добавить к нему внешнюю инфекцию, может получиться не самый здоровый коктейль. Однако, вопреки всему, в том числе и самому себе, автор направился к издателю, дабы задать ему тот самый болезненный вопрос, который впоследствии и ухудшил его состояние.

***

Издатель, как обыкновенно, сидел в своем кабинете, занятый скорочтением очередных скороспелых и недозрелых шедевров вызревших графоманов и зеленых писателей, когда в дверь неожиданно постучали. Издатель нахмурил брови, недовольный не столько тем, что его потревожили снаружи, сколько тем, что его уже который час, день и год мучают изнутри. Как раз в эту минуту большая стрелка старинных деревянных часов догнала две маленькие, на мгновение замерла, пока из небольшого отверстия в виде дупла не выскочила игрушечная кукушка и не возвестила, сколько еще осталось… как в лесу, по примете, кому жить, кому куковать, а кому и доживать.

Издатель и автор молча и неподвижно вслушивались в этот судьбоносный отчет по разные стороны двери, погруженные в свои тайные надежды, пока наконец каждый для себя не решил, что пробил его час и пора действовать. Один: вставать и уходить домой. Другой: входить, не дожидаясь ответа. Так они и столкнулись друг с другом лоб в лоб ровно в 00:00 по местному времени.

– Ба, какая встреча! А я-то думаю, что там за мышка под дверью скребется? А это сам автор к нам пожаловал! Проходите, проходите! Я уж думал, нескоро зайдете после такого-то триумфа и успеха у публики!

– Мда… Доброй ночи! Да куда уж нам. Все не так уж радужно и распрекрасно, как то рисуют в газетах и журналах.

– Да вы что?! Неужели? Что ж не так? Али слава не по нутру?

– Слава-то славой. Мда… У меня к вам вот какой вопрос. Вы роман мой читали, так?

– Конечно, читал. Что за вопрос?! И не один раз читал! Превосходный роман!

– И как вам главный герой?

– Тут вы, батюшка, завернули так завернули! Думали-таки, что вас не развернут и не выведут на чистую воду? Признаться, задумка ваша гениальна: вывести на арену автора и скормить его заживо роману на потеху читателям. Да притом сделать так, чтобы все поверили, что он и есть главный герой.

– А разве это не так?

– Я тоже так думал поначалу. Пока не прочитал рецензию одного из читателей и не перечитал еще раз роман.

– И?..

– И понял, что главного героя нет и не может быть по сути вообще. Есть только тень от писателя, затем автора, наконец, читателя в лице автора и писателя, и наконец, читательницы, которая делает эту тень блеклой и почти невидимой.

– То есть ни писатель, ни автор, ни читательница…

– Никто не главный, все лишь претендуют на роль главенства, но в этой отчаянной борьбе терпят поражение, склоняя главу перед единственно достойным ее – романом.

– В таком случае роман…

– Вы так расспрашиваете меня, будто не имеете к нему никакого отношения? Будто бы он вам чужой! Что с вами? Вам плохо?

На этом роковом слове «чужой» автору вдруг сделалось невыносимо дурно, его лицо побагровело, а руки нервно затряслись. И вот уже второй раз за день он почувствовал себя беспомощным перед нахлынувшими изнутри эмоциями и, будучи не в силах совладать с ними, попятился, как рак, назад к выходу.

Как писатель очутился дома с книгой в руках, он не помнил. События, происходящие с ним с тех пор, как он стал автором, более всего походили на заколдованный сон, нежели на реальность. Он было собрался не принимать их всерьез, но не тут-то было. Все окружение неумолимо возвращало и обращало его к роману, который единственно и оставался отрезвляющим элементом в цепи беспробудных пьянок в честь его псевдославы. Делать было нечего, кроме как перечитать его с позиции читателя, поскольку только авторской уже было недостаточно. Перечитать и понять, что автора больше нет, что есть некий писатель, написавший некий роман, непрочитанный и забытый навеки, и есть другой роман, приписанный этому писателю по имени автор, о котором говорят все и будут говорить всегда. Да только вот это уже не тот роман, который он кропал бессонными ночами и проектировал в обрывках мимолетных снов и сладостных мечтаний, но другой, чужой, как это угадал издатель.

Его роман так и остался внутри него. А то, что было написано и напечатано, с самого начало стремилось из текста стать произведением наравне с писателем, жаждущим имени автора. Казалось бы, возвышение обоих напрямую зависело от их взаимного роста, однако между ними ни с того ни сего вдруг выросла стена непонимания – конкуренция и вражда. Из этого кризиса был один выход: подстроиться под ситуацию либо изменить ее. Никто не давал гарантии, что новый роман или даже частичная коррекция старого даст желаемый результат, зато можно было предугадать наверняка обратную процедуру. Поэтому автор, уставший от оправданий, оговорок и неловких интервью, сдался и отдал все лавры роману.

****

С тех пор как роман перестал быть частью его существа и стал нечто отдельным от него самого, внутри писателя образовалась невосполнимая пустота, бездонная дыра одиночества, которая, казалось, с каждым новым днем разрастается все больше и больше, грозя обернуть его в ничто. Ему необходимо было заполнить ее чем-то, но чем или кем – он еще не знал.

Каждый день в свежих новостях культуры он находил новую заметку о некогда своем родном романе, который, как блудный сын, отрекся от своего дома и пустился в путешествие по неведомым странам и далеким континентам. Его переводили, читали, пересказывали и обсуждали. Он был предметом горячих споров и оживленных дискуссий. Он стал символом эпохи, в то время как писателю отводилась скромная роль в многочисленной среде соавторов-читателей. Среди них была и она, один из первых его критиков, рецензентов и почитателей романа. Как бы случайно их столкнуло провидение на одной из таких вечеринок романистов, и они снова оказались друг против друга, не зная, что сказать. Некогда восхищение и удивление, потом разоблачение и разочарование сменили смущение и грусть.

Читательница: Не ожидала вас увидеть. Говорят, вы не посещаете подобные мероприятия и живете отшельником в глуши.

Писатель: Иногда, как видите, я все-таки выползаю из этой самой глуши в массы.

Читательница: Вот, я вас опять, кажется, обидела. Простите. Просто так говорят.

Писатель: Я удивлен, что обо мне вообще еще говорят.

Читательница: Вы же сами отказались от публичной жизни. Скажите честно, чего вы испугались?

Писатель: Как выяснилось, все-таки вас, хотя вы и не так ужасны, как вас рисуют. Да и не только…

Читательница: В каком смысле? Я вас не понимаю…

Писатель: Видите эту книгу? Знаете, чья она?

Читательница: Конечно, она же ваша.

Писатель: В том-то и дело, что она уже давно не моя. Она принадлежит всем, кроме меня, и одновременно никому, поскольку отныне она самодостаточна и независима.

Читательница: По-моему, это прекрасно. Каждый родитель мечтает, чтобы его дитя обрело свободу и независимость.

Писатель: Так же как и творец, грезящий об увековечивании своих идей. Творение, задачей которого раньше было приносить бессмертие, теперь получило право убивать – быть убийцей своего автора.

Читательница: Вы только что констатировали собственную смерть?!

Писатель: Увы. Отныне это самая что ни на есть правдивая правда.

Читательница: Может, мне вас отсюда украсть, чтобы у вас и вправду не случился смертельный приступ?

Писатель: Может быть…

Читательница схватила угрюмого и подавленного автора за руку и потащила за собой на улицу. Только так, вытащенный наружу чужими усилиями, ледяной писатель стал малопомалу оттаивать и приходить в чувства. Эти чувства оказались чувством весны, которая распустилась серебристыми почками на деревьях, и искрящимися лучиками солнца в их ветвях, задев нечаянно одной из них за сердце автора. Он вспомнил, что когда-то тоже был весной – такой же сияющей и яркой, и что, возможно, это повторится вновь. От этой мысли он, сам не замечая того, вдруг улыбнулся читательнице, она подумала, что эта улыбка адресована ей, и ответила тем же, отчего обоим стало по-весеннему тепло и уютно. Слова были лишними. Поэтому они шли молча и тихо радовались тому, что повстречали друг друга – именно об этом шептались их пылающие глаза, сверкающие взгляды и липкие ладони.

Назавтра они проснулись с рассветом и очутились в объятиях друг друга, ничему не удивленные, лишь слега раздосадованные, что это не произошло раньше. Теперь, когда они сбежали от повседневности, забыли о реальности и погрузились в любовь, им только и хотелось, что проводить вместе дни и ночи напролет. Бездумно, безрассудно и без оглядки назад. Так оно с ними и случилось.

*****

Это произошло поздно ночью. Город еще спал. Писатель и читательница тоже спали, крепко обвивая стволы своих тел лианами рук и ног. Казалось, над ними порхали нимфы и посыпали сверху лепестками благовоний и роз. Их сон, мир очарования, миф, даже воздух вокруг наполнял некоей аурой мистицизма и таинственности – манящий, притягивающий, завораживающий, как полумесяц улыбки, выплывший из-за туч будничности и застывший на ясном небосводе их лиц. И если бы мир был ограничен стенами их комнаты, то это был бы уже не мир, а рай. Тогда как по другую его сторону образовался ад. Дело в том, что у издателя

в эту самую ночь случилась ужасная головная боль и, как следствие, очередная бессонница. Уже который день в его голову долбится черт или сам дьявол и высекает в мозгу острием своих ядовитых трезубцев искры сомнений. Его мозг отравлен, мысли парализованы. И только чтобы окончательно не сойти с ума, он подбежал к телефонной трубке и набрал спасительный код цифр.

– Алло!

– Угу…

– Это автор?

– Угу…

– Извините, что так поздно вас беспокою, но это дело неотложной важности. Я пытался дозвониться вам раньше, но все как-то не выходило, точнее, я думал, что все обойдется, однако…

– Что случилось?!

– Речь о вашем романе…

– И что с ним?

– Видите ли, он совершенно вышел из-под контроля! Мне нужно встретиться с вами! Срочно!

– Хорошо, встретимся завтра…

– В том-то и дело, что тянуть больше нельзя…

– Ладно, в кафе на углу Малоямской через час.

– Жду вас. Договорились. Огромное спасибо!

Писатель встал с кровати нехотя. Читательница тоже не желала его отпускать. Разбуженные несвоевременным звонком, они пребывали в коме молчания и неподвижности зомби. Она очнулась первой.

– Тебе обязательно сейчас уходить?

– К сожалению, да.

– Это все из-за него – твоего романа?

– Судя по всему, да. Я знал, что рано или поздно это случится.

– Я тоже знала, что счастье – это не навсегда.

– Я скоро буду…

– А я буду тебя ждать, даже если это будет нескоро.

Она знала, что он не вернется. Подобно дикому зверю, он всегда смотрел в сторону леса, а по ночам выл на луну. Каким бы сладостным и уютным ни было бы это теплое место подле читательницы, хладнокровный инстинкт писателя, жаждущий свободы и одиночества, все еще довлел над ним. Но самым главным аргументом был на самом деле роман, который должен быть поставлен на свое место, и ради этого автор готов был поступиться всем и вся.

Теперь, когда она смотрела на него глазами, полными бушующей океанской пены и соленой воды, а он, не замечая, продолжал одеваться, претворяясь безмятежной пустыней и иссушающим эмоции ветром, все выглядело именно так, как оно должно было однажды случиться, как бы больно и печально это ни выглядело теперь. Они молчаливо отдались на поруки несущему их теперь уже по разные стороны течению жизни, и их взгляды были наполнены той странной томительной надеждой случайных попутчиков противоположно разъезжающихся поездов, что, может быть, когда-нибудь они и встретятся снова, но на этот раз их поезд будет идти в одном направлении, а они окажутся друг против друга. Сейчас уже порознь. Возможно, завтра. Но сегодня уже никогда.

Точно пробудившись от сказочного сна летаргии, писатель смотрел на изменившую ему, уже изменившуюся реальность, выходя из квартиры, спускаясь по лестнице на улицу, выходя во двор, осознавая наконец, как все это незнакомо в свете отрезвляющей действительности. Все это выглядело еще вчера таким романтичным, героическим и поэтическим эпосом вре-

мен античности. И теперь – таким безвозвратно разбитым в смысле содержимого, как розовые очки, и безнадежно потерянным в смысле прозаичности форм окружавшего его отныне мира.

Мир и раньше, бывало, казался ему серым и сырым, но почему-то именно сегодня серость и сырость оказались свойством не только внешнего, но и внутреннего его состояния. Именно в таком черно-белом спектре цвета и света представилось ему на мгновение все его прежнее существование, этаким вышедшим из срока годности и выцветшим фотослайдом поляроида. И даже привычная яркость ночных огней, пестрый колорит городских фонарей, фар и окон не смогли разукрасить его потухший взгляд. Таким же безжизненным встретил его и издатель. Увидев автора, он сразу же заговорил:

– Боюсь, у меня для вас плохие новости. Даже и не знаю, с чего начать…

– Начните с главного. К чему тянуть?

– Как скажете. Дело вот в чем. Вы, конечно же, поняли, что речь пойдет о вашем романе…

– Не тяните. Выкладывайте все как есть.

– Ладно. Сначала это были незначительные вспышки недовольств и жалоб со стороны отдельных читателей из разных уголков внутри и вне страны. Они присылали письма, якобы свидетельства, писали и опубликовывали свои доводы и доказательства. Но тогда мы не придавали этому никакого значения, пока они сами не придали это огласке. Я имею в виду – притязания на соавторство и даже авторство, наконец, это переросло в провокационные обвинения в плагиате. Они точно сговорились, ополчившись против вас. Вот, держите.

– Что это?

– Повестка. Они вызывают вас на коллективную дуэль в суд.

– Вы ошибаетесь, издатель, не они, Он…

Автор сделал паузу, но возможности отреагировать на последнюю фразу не дал. Выслушав издателя без малейшей дрожи в мускулах и чувствах, он молча кивнул ему на прощание и вышел вон. «Вон» было его спасением. Вон! Вон? Вон! Опять бежать, и может быть, на этот раз удастся скрыться, испариться, точно медуза, выпрыгнуть из невода морского и растаять в лучах обжигающего солнца. Нет. Уйти? Это однажды неизбежно, но не так. Лучше в борьбе, реванше. Вот что должно быть первостепенным теперь. Поэтому назад, а точнее, вперед, навстречу неизбежному!

******

Солнце не выходило из-за туч, как писатель ни старался его выманить, строя гримасу из массы морщинок, похожих на те, что оставляет след улыбки, но то, что было нарисовано на его лице, было фальшивой, дилетантской и неуклюжей попыткой выстроить из прямой линии дугу. Тщетно. Она не выходила. Уродство линий. Одновременно их естественная красота, отраженная в природе, в паутине тысячи небесных пауков, изваявших сеть облаков, диагонали туч и их искривленные вариации. В хаосе природы больше порядка, нежели в искусственно созданной нами утопии по имени социум. Нам не хватает смелости признаться в нашей беспомощности и неспособности создавать и изменять. Мы не властны над этим миром. Приняв эту мысль в лоно своего мозгового процесса, автор принял одновременно и свое поражение, хотя и не смирился. Видимо, искры этой вспыхнувшей изнутри молнии зажгли его изнутри, и разгорелся огонь новой надежды.

Прошел ровно месяц с тех пор, как он потерпел фиаско в схватке за часть того, что некогда составляло в совокупности с другими целостность его бытия. Он стал похож на разрозненный пазл, растерянный и затерянный где-то далеко в чулане давно заброшенного дома. Даже если кто-то и обнаружит его здесь, в этой глуши, едва ли ему удастся воссоздать оригинал, в лучшем случае – дешевую копию. Однако, как заметил Спиноза, каждая вещь стремится к продлению себя в пространстве. Как добавил к этому философ другой эпохи Уна-

муно, она жаждет быть, и эта жажда составляет единственно истинную человеческую сущность. Став вещью, мы еще больше очеловечиваемся. В затворничестве подобного рода автор осознал вдруг силу врожденных инстинктов. Да, роман надломил его, втоптал в подземелье нищеты и позора, но он все-таки устоял и не сломался. Некий стержень, как стебель пшеницы, примятый ветром, воспрянул и взвился ввысь с помощью недр земли, из которых он черпает силу. Свою силу автор брал в языке. Именно к нему он и обратился.

Поначалу он не знал, как к нему подступиться, какой слог подобрать, дабы из его начала вылупилось гармоничное созвучие звуков и слов, мелодия и песнь нового литературного шедевра. Зарождение новой жизни – это не так уж просто. Зарождение новой идеи – еще более трудоемкий процесс. Он берет свое начало в сфере бессознательного, там, где скрывается наш третий глаз, шестое чувство, девятые врата в мир сверхбытия. Проникнуть туда логикой мысли невозможно. Чувства слишком мимолетны и эфемерны, дабы его уловить. А другого нам от природы не дано. Возможно, прав был Платон, а словами Сократа глаголила истина, когда он ораторствовал на площади, убеждая в том, что на самом деле это душа, припоминающая мир идей, в котором она пребывала до переселения в тело. А возможно, это сам язык? Но он не дает ответа на столь дерзкий вопрос. По-прежнему глух, нем и безразличен к мольбам автора.

Безмолвие языка чудовищнее молчания покойника. Будучи еще живым, уже чувствуешь запах тлена и разлагающейся плоти, своей собственной плоти. Тишина мысли есть смерть тела. Впервые автор почувствовал ее присутствие так близко, что казалось, достаточно протянуть вперед руку, а она тут как тут, цапнет ее и вырвет своей костлявой клешней из тела вместе с потрохами. Его передернуло. Возможно, из-за сумерек и резкого спада температур. Писатель и не заметил, как целый день просидел за самодельным деревянным столиком в огороде, а белый лист, лежащий перед ним, так и не почернел. Даже надвигающаяся ночь не скрыла его пустоты. Более того, из-за тьмы вдруг вынырнула любопытная луна и, выследив его ярким прожектором своего взора, принялась тщательно изучать.

Удрученный и подавленный, писатель встал из-за стола, провел ладонью по листу и безжалостно опрокинул на него банку чернил. Так потухла еще не зажженная звезда. Однако это только кажется, что звезды исчезают, когда их накрывает ночной туман иль свет брезжущего дня. Просто мы чересчур ослеплены внешним зрением, чтобы прибегнуть к внутреннему. Поэтому, когда тот самый злополучный лист вдруг проявился в воображении автора, в тот самый момент, когда его голова коснулась подушки, а сознание – снов, он принял этот плод воображения за галлюцинацию, в то время как лист стал проявлять к нему благосклонность и заполнять форму содержимым букв и слов.

Видимо, его душа все-таки уловила своими радарами божественную волну идей, настроила с ней прерванную связь поколений и передала эти импульсы в тело через механическую работу рук. Руки бесстрастно исполнили возложенную на них свыше миссию и опали к земле. Там же обнаружил себя, к удивлению, и сам автор. Ночью перевернулся не только мир идеальный, но, как оказалось, и материальный тоже: гамак, на котором писатель отошел ко сну, оторвался от дерева, и он упал.

Очнувшись, автор увидел перед собой стопку исчерканных листков. На мгновение им овладели радостный трепет и волнение, сравнимое с детским восклицанием от обнаружения под елкой настоящего Деда Мороза с настоящими подарками. До поры до времени. Пока с Деда Мороза не слетает наскоро приклеенная борода, и перед ребенком предстает его нелепый родитель. Схожее разочарование поджидало и писателя, который еще спросонья, но уже вспомнив сон – тире – явь о новом романе, горящими глазами смотрел на рукопись и восторженно ликовал. До поры до времени. Пока не появился язык и не напомнил о своем существовании.

Достаточно было одного звука, намека на слово, и он тут как тут со своими правилами игры, в которой с неизбежностью проигравшим остается говорящий. И дело даже не в том, что,

с рождения зазубривая наизусть языковую грамоту, никто не обратил наше внимание на сам принцип этого слогообразования и его первопричины, но в большей степени в том, что мы сознательно обрекли себя и свое будущее потомство на ограниченность мысли и рабство слова. Мы не способны сказать больше того, что нам позволяет выразить язык. И хоть нам и внушали все в том же детстве, что язык богат, обширен, могуч, но величие это распространяется на его славу, а не нашу.

И теперь, когда автор зачитывал работу своих мыслей и мышц, язык беспощадно коверкал, искажал и оборачивал их в бессмыслицу. Вам кажется, что это был просто самообман, иллюзия славы, которую даровал вам сон? А что если это был самый настоящий обман, обман, подстроенный языком против вашей самореализации? Что если то, что бессознательно вырвалось ночью из-под пера писателя, было нечто по-настоящему правдивым, было по-настоящему авторским, но наглухо запертым, зашифрованным от посягательств предательского языка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.